

ВЫБОР ЧИТАТЕЛЕЙ: ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ РОМАН ГОДА!

ТЕД ДЕККЕР

ОБРЕЧЕННЫЕ
НЕВЕСТЫ

НОВЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
NEW YORK TIMES

Тед Деккер

Обреченные невесты

«АСТ»

2009

Деккер Т.

Обреченные невесты / Т. Деккер — «АСТ», 2009

Агент ФБР Брэд Рейнз охотится на серийных убийц много лет. Но ничего подобного он еще не встречал. На счету маньяка – уже четыре молодые красавицы. Их полностью обескровленные тела лежали в позе распятия. Более того, убийца каждый раз оставляет на месте преступления свою «визитную карточку» – подвенечную фату. Что пытается сказать убийца? Чего добивается? Все это пока остается загадкой для Брэда и его команды, ведущей дело Коллекционера Невест. Но он найдет ответы на вопросы – или погибнет во время поисков. Ведь у него – личный счет к Коллекционеру. Кровавый счет...

© Деккер Т., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	25
ГЛАВА 5	33
ГЛАВА 6	40
ГЛАВА 7	50
ГЛАВА 8	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Тед Деккер

Обреченные невесты

ГЛАВА 1

– Спасибо, детектив. Теперь наша очередь.

Специальный агент ФБР Брэд Рейнз остановился у раскрытой двери небольшого сарая и беглым взглядом окинул помещение. Сумеречный свет косыми полосами проникал сквозь щели в продавленной крыше и падал на деревянный пол, покрытый густым слоем пыли и испещренный многочисленными следами от обуви.

Заброшенное место. Все понятно.

– При всем уважении, агент Рейнз, мои люди в состоянии самостоятельно осмотреть место преступления, – возмущенно забормотал детектив Ламберт.

– Могут, детектив. Но не будут.

Рейнз медленно повернул голову, оглядывая помещение внимательнее. Единственная прямоугольная комната, примерно пять на двенадцать метров, железная крыша. Стены изнутри обшиты посеревшими от возраста и погоды досками. Так, десять, двадцать, тридцать – всего тридцать две на узкой стороне прямоугольника. Выходит, действительно пять метров. На полу чуть справа валяются две лопаты и вилы. Окно – одно, с грязным матовым стеклом, сплошь покрытым паутиной. В углу ведро, тоже все в пыли, с проржавевшей, залепленной грязью ручкой. Везде разбросаны старые ржавые жестяные банки из-под бобов и консервированных хот-догов с отклеившимися этикетками. Тот, кто ими пользовался, был здесь очень давно. К ближней стене прислонено лезвие от плуга. Слева, у дальней стены, – рабочий стол, пожалуй, еще более старый, чем все остальное.

Все как обычно. Кроме одного... пришпиленного к стене тела женщины. Руки раскинуты, кисти рук безвольно опущены. Как и у трех других.

– ...Доложите шефу Лоренцо, – прервал ход мыслей агента ФБР Брэда Рейнза голос детектива.

Брэд посмотрел через левое плечо, где труп женщины осматривала Ники Холден, ведущий судебный психолог. Она поймала его взгляд, в котором читалась просьба: «Отделайся от этого полицейского», – и повернулась к детективу Ламберту. Тем временем Брэд снова принялся разглядывать сарай.

– Прошу прощения, детектив, – начала Ники самым рассудительным тоном, на какой только была способна. – Уверена, вы правильно поймете. Дайте моим ребятам всего несколько часов. И если это не тот тип, что нам нужен, вы будете первым, кто узнает об этом. Полицейское управление оказало нам бесценную помощь.

Скрывая понимающую усмешку, Брэд посмотрел вверх. Одна балка треснула, за потемневшим слоем виднелась светло-коричневая древесина. Надлом свежий.

– Мне это не нравится, – буркнул детектив Ламберт. – Для протокола.

– Благодарю вас, детектив. – Брэд оторвался от изучения места преступления и улыбнулся Ламберту. – В протокол занесено. В нашей работе вообще многое не нравится. Буду весьма признателен, если вы огородите участок. Наши судмедэксперты вот-вот придут.

Ламберт на мгновение задержал на нем взгляд, затем повернулся к стоящему позади него мужчине.

– Ладно, Ларри, дай медикам отбой, теперь это дело ФБР. И скажи Биллу, пусть огородит участок.

Ларри вполголоса выругался и щелчком отправил в сторону соломинку, которую выдернул из старого стога сена.

Белый фургон без номерных знаков пересек лежащую на земле ленту и, скрипя колесами по гравию, медленно отъехал. Чтобы добраться от Стаут-стрит, в самом центре города, где располагалось управление ФБР, до места преступления, находящегося к югу от Вест-Диллон-роуд, медикам понадобился час. Похоже, когда-то на этом пустынном участке земли, километрах в двадцати к северо-западу от Денвера, по автомагистрали Денвер – Боулдер, была ферма.

Брэд повернулся к Ники.

– Скажи им, пусть начинают снаружи. А нам еще здесь надо немного осмотреться. И пусть Ким подойдет, как только появится.

«Ким Петерсон – лучший судебный патологоанатом, она еще до вскрытия тела почти точно определит, что перенесла жертва», – размышлял Брэд.

Не говоря ни слова, Ники направилась к фургону.

Брэд вновь принялся разглядывать сарайчик. Лачуга. Амбар на ферме. Убежище убийцы. Эти стены видели, как убийца методично отнимал у женщины жизнь. Рабочий стол слышал его излияния о страстях и страхах, которые терзают его в этом мире, перевернутом с ног на голову его же собственными тайными побуждениями. Стол был свидетелем ее мольбы о пощаде. Ее предсмертных стонов.

Стараясь ступать по отчетливым следам на полу, Брэд вошел в комнату и направился к стене, на которой была распята женщина. Он стоял не шевелясь, вслушиваясь в голоса собравшихся снаружи представителей правоохранительных органов. Шелест шин, доносящийся с шоссе, его собственное дыхание – все перестало быть слышимым, поскольку он жестко сосредоточился, чтобы точнее увидеть в своем воображении предполагаемую картину преступления.

Обнаженное тело женщины выглядело очень бледным при свете единственного достигающего его луча света.словно она каким-то чудом сидела на стене, широко раскинув руки. Два круглых дюбеля, на которых держалось тело, выступали из стены под мышками женщины. Пятки были сведены, а ноги находились под углом одна к другой, образуя перевернутую букву V.

Лицо ее, как у невесты, было тщательно прикрыто белой прозрачной фатой.

Резко выдающееся вперед тело пробудило у него целую вереницу ассоциаций из истории искусств: Венера Милосская; тысячи изображений распятия Христа, статуя крылатой Ники из Лувра, бронзовая грудь которой выдается вперед, словно находится на носу старинного судна, бороздящего море.

Но это не музей. Это место преступления, и смесь жестокости и откровенной демонстративности вызвала у Брэда приступ тошноты. Ему понадобилось время, чтобы настроиться на волну внутренних ощущений и постараться мыслить, как преступник, чтобы разгадать смысл злодеяний.

Брайан Джекобс, семнадцати лет, привел сюда после школьных занятий подружку и обнажил четвертую жертву Коллекционера Невест.

Если не считать шелковых трусов и фаты, женщина совершенно обнажена. Блондинка. Белая. Все на своем месте. Обе руки в одинаковом положении, большой и указательный пальцы касаются друг друга. Плечи, бедра тоже со всем тщанием приведены в естественное положение. Все, кроме головы.

Голова немного наклонена влево, так чтобы длинные светлые волосы, ниспадая через левое плечо, уходили под мышку. Сквозь фату видно, что глаза у нее закрыты. Никаких следов насилия, никаких признаков того, что она испытывала боль или страдала, никаких пятен крови. Только благословенный покой и естественная красота.

С нее вполне могли писать своих ангелов Леонардо или Микеланджело. Безупречная невеста.

Он взгляделся пристальнее и почувствовал, как в голове рождаются странные слова сострадания: «Я рыдаю вместе с тобой, Ангел. Я оплакиваю тебя. Оплакиваю каждую прядь твоих волос, что уж никогда не затрепещут на ветру, каждую улыбку, что никогда не озарит чей-то день, каждый чувственный взгляд, что заставит быстрее биться сердце мужчины. Мне так жаль».

– Красивая, – слышался голос Ники.

На мгновение он почувствовал острую как от укола боль утраты чувства общности с распятой на стене женщиной. Ники прошла мимо, не отрывая глаз от жертвы, и мягко прикоснулась к его руке. Дышала она ровно, разве что чуть глубже, чем обычно, и он понимал почему: глядя на дело рук убийцы, она словно проникала в темные глубины его сознания и ужасалась.

А на его сознание как лавина обрушилась вся мучительность отношений с Ники... И растворилась, уступив место образу женщины, стоящей рядом с другой женщиной. Светловолосый ангел, склонившийся над ангелом темноволосым. У одного руки бессильно раскинуты, у другого сложены на груди. Один почти обнажен, на другом голубая шелковая блуза, темный жакет и юбка.

«Красивая», – подумал он.

– Какое свинство. – Тишину нарушил негромкий голос Ким Петерсон, озвучившей то, что Брэду и Ники мешала выразить в словах гордость. Патологоанатом встала рядом с Бредом, вытащила из чемоданчика пару белых перчаток и поставила его на пол. – Итак, что нам известно?

Бред предпочел бы провести побольше времени наедине с жертвой, но момент упущен.

– Никаких документов. Тело обнаружено час назад двумя подростками.

Повисло недолгое молчание.

– Красивая, – пробормотала Ким.

– Да.

– Итого четыре.

– Похоже на то.

Ким подошла поближе и встала напротив Ники, сосредоточенно осматривающей тело жертвы. Затем наклонилась к ноге девушки и бережно разогнула пальцы, чтобы лучше видеть подошву.

– Не хочешь поделиться, как все, по-твоему, произошло, пока я не начну предварительный осмотр?

К выводам он пока не был готов. Ведь полный анализ свидетельств и улик впереди. Но все знали о его удивительной способности точно оценивать события по малейшим деталям, чуть видимым следам. К тому же после перевода из Майами в денверское отделение, а это произошло всего год назад, он раскрыл в районе Четырех Углов¹ три крупных преступления. И сейчас, в тридцатидвухлетнем возрасте, круто шел вверх, хотя в работе руководствовался отнюдь не карьерными амбициями.

– Мужчина, судя по отпечаткам, носит обувь одиннадцатого размера. Они провели здесь некоторое время. Может, целый день...

– С чего ты взял? – осведомилась Ники.

Издали донесся приглушенный шум голосов: полицейский втолковывал недоумевающему водителю подъехавшей машины, что ему следует вернуться на главную дорогу. В воздухе становилось свежей, и крыша над головой начала поскрипывать.

– Запах. Жареные бобы. Он проголодался и поел. Хотя банки не видно. И образцы ДНК не возьмешь.

¹ Точка на карте США, где сходятся границы четырех штатов – Колорадо, Нью-Мехико, Аризона и Юты. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Она была жива, когда он привез ее сюда?

– Да. И убил, как и остальных, высасывая кровь из пяток. Никаких следов борьбы. Брезент, видите, здесь, под столом, впитал в себя большинство следов – телесные выделения, клетки кожи, волосы. Он старался не переусердствовать, удерживая жертву на грани сознания. Она лежала плашмя, спокойно, полностью отдавая себе отчет, что он замораживает ей пятки и что-то вводит под кожу. Ему пришлось стереть кровь со стола и пола, там, где она стекла с брезента. Потом он залепил ранки, поднял тело и держал его в нужном положении до тех пор, пока слой клея, нанесенного на лопатки, пригвоздил ее к стене, после чего вскрыл ранки на обеих пятках и принялся наблюдать, как кровь стекает в ведро.

Все эти умозаключения Брэд сделал на основе следов на столе и на полу, отпечатка обода от ведра и отсутствия царапин на теле. Физические свидетельства позволили ему представить картину произошедшего с такой же ясностью, как если бы он разглядывал полотно Рембрандта.

– Он сделал это не из уважения и не в порыве гнева, – добавил Брэд.

– Это любовь, – обронила Ники.

– Любовь, – кивнул он.

– Обе ранки на пятках схвачены той же плотной шпаклевкой, что мы нашли на трех других жертвах, – заметила, разгибаясь, Ким. – И что же это за любовь такая?

– Любовь жениха, – отозвался Брэд, смакуя собственный ответ.

– Сэр? – в проеме двери показался специальный агент Фрэнк Клоски.

– Еще две-три минуты, Фрэнк, – не оборачиваясь, вскинул руку Брэд.

Агент вышел на улицу.

Ким продолжала предварительный осмотр, бережно делая надрезы на коже убитой, всматриваясь в глаза, перебирая пряди волос на голове, изучая лопаточные кости. Но Брэд уже знал, что именно она обнаружит.

Вопрос в том – почему. Что движет Коллекционером Невест? Каким образом он намечает жертвы? Добро или зло, по собственному разумению, творит?

И что сделали ему такого, из-за чего он отнимает жизнь у других подобным способом? Кого наметил в качестве очередной жертвы? И когда нанесет удар? Где он сейчас?

Все эти вопросы переплелись в сознании Брэда, но структурировались по важности: одни звучали отчетливо, другие смутно, – но шепот доносился со всех сторон, вызывая к тому, чтобы быть услышанным, потому что каждый вопрос уже содержал в себе ответ. Просто надо найти его.

Ники расхаживала по комнате, прижав одну руку к животу, другой подперев подбородок. Ему вдруг пришло в голову, что, подобно ей, двое из четырех жертв – блондинки. И все, как она, – красивы.

Что бы могло прийти на ум убийце, посмотри он в эту минуту на Ники сквозь щель в стене? Брэд подавил мгновенно возникшее желание проверить, вдруг такая щель действительно есть и кто-то в нее подсматривает. Вместо этого он окинул взглядом Ники – ее стройные ноги, длинные волосы, набегающие волнами на плечи, блестящие глаза, в которых застыл вопрос. Указательный палец, рассеянно пощипывающий полные губы. Безупречный овал лица...

«Испытал ли бы убийца желание? Нет. Желание ни при чем, так ведь? Да, она красива, но мало ли на свете красивых женщин? Коллекционера Невест влечет что-то иное».

Из многочисленных романов, случившихся у него за последние десять лет, лишь четыре продолжались больше двух месяцев, и каждый новый обрывался быстрее, чем предыдущий. Ники однажды упрекнула, что он старается играть роль «скверного мальчишки». На его взгляд, точнее другое определение – разборчивый. В конце концов, у него есть вкус.

После всего, через что он прошел, ему следует быть разборчивым.

Ники сейчас тридцать один год, она вышла замуж в девятнадцать, через полгода развелась. Защитила кандидатскую в Каролинском университете. Исключительно умна, с чувством юмора, склонна к глубокому погружению в события, которые у большинства людей вызывают лишь тяжелый вздох.

Уже одно это должно возбудить убийцу, не так ли? И если бы Ники с ним столкнулась, это бы возбудило его?

«Нет», – решил Брэд.

– Ты бы ему понравилась, – сказал он.

Ники рассеянно повернулась к нему.

– Ты что-то сказал?

Он мысленно одернул себя. Это один из тех нередких случаев, когда откровенность не на пользу.

– Просто подумал, что она ему понравилась. И обратился к ней – «ты». То есть жертва. Ему. Ты бы ему понравилась. В смысле она бы ему понравилась.

Ким пришла на выручку.

– Ты что, с трупами разговаривать начал? Ничего, бывает. Я сама частенько этим занимаюсь.

– А ведь ты на меня смотрел, когда говорил это, – заметила Ники.

– Ну да. Такая у меня привычка.

– Глазеть на женщин? Или на меня?

– И то и другое, по ситуации.

Ее губы изогнулись в слабой улыбке. Она подмигнула ему. Ну, не откровенно подмигнула, но правое веко шевельнулось, это точно. Или показалось?

Ники отвернулась, заставив Брэда испытать весьма неприятное чувство. В попытке выказать сострадание распятой женщине он вроде как вторгся в ее внутренний мир.

А ведь история ее оставалась пока нераскрытой и требовала к себе уважения.

Молчание. Раскаяние. Стыд.

– Сэр? – ход его мыслей вновь прервал голос Фрэнка.

Брэд повернулся и зашагал к двери.

– Веди людей. Сфотографируйте каждый миллиметр, ни одной пылинки не пропустите. Пятна крови, пот, слюна, волоски... Если понадобится, образцы воздуха соберите и пронумеруйте. Предварительные результаты лабораторного анализа мне нужны уже сегодня вечером.

– Э-э... поздновато ведь. Вряд ли...

– Он уже высматривает очередную жертву, Фрэнк. У нас меньше недели, чтобы не дать ему еще раз так жестоко выразить ей свою любовь. Предварительные результаты. Сегодня.

Отходя от сарая, Брэд подумал, что все же не нашел слов, чтобы выразить состояние своих донельзя напряженных нервов.

ГЛАВА 2

Ники Холден стояла рядом с Брэдом у покойнического стола из нержавеющей стали в морге, расположенном в цокольном этаже здания местного отделения ФБР на Стаут-стрит в Денвере. Было девять вечера. Глядя, как Ким осторожно переворачивает труп на спину, она обратила внимание, что патологоанатом старается не задеть кожу на лопатке, которую пришлось надрезать, отделяя тело от стены.

Девушке двадцать один год, звали ее Кэролайн Рэдик. Имя удалось установить после того, как лаборатория пропустила ее отпечатки через автоматическую систему идентификации отпечатков пальцев, более известную как АСИОП. Постоянно расширяющаяся база данных включала всех, кто когда-либо обращался заграничным паспортом, а именно это Кэролайн и сделала год назад, отправляясь в Париж. Пока не выяснили зачем.

Спокойная аккуратная Ким работала, надев на лицо маску. В сорок три года мало что может смутить. Она проникала в огнестрельную рану с такой же уверенностью, с какой, если нужно, точно поставленным вопросом снимала слой за слоем кожу с общественного организма. Она коротко стригла свои светлые волосы – так легче не бросаться в глаза. Ее поведение забавно, но, странным образом, естественно контрастировало с ее общеизвестной скандинавской любовью к «шведскому столу» и мужчинам.

Ники обратила внимание на труп. Кожа белая, прозрачная, с проступающими голубыми венами. Девушка лежала на столе плашмя, напоминая манекен закройщика. Безупречная грудь, плоский живот, хорошо сформировавшиеся бедра... Правда, на вкус Ники, она немного костлява. На стене плоть облегалась кости и придавала жертве не такой уж истощенный вид, но лежа на спине она выглядела совершенно изможденной.

При ярком свете галогенных ламп косметика проступала куда более отчетливо, чем при осмотре трупа в сарае. Тушь и тени наложены очень аккуратно, что свидетельствует об уверенной, опытной руке. Может, убийца – косметолог? Или актер, специализирующийся на ролях героев противоположного пола? Ники бросились в глаза вертикальные полосы, сбегające вниз от уголков глаз и уничтожающие безупречную поверхность кожи: казалось, Кэролайн плакала перед тем, как нанести последний слой краски.

Ники вспомнилось, как отец держал ее, двенадцатилетнюю, за плечи. Он опустился на колени и смахнул слезинку с правой щеки, на которой выступила родинка величиной с монету в десять центов.

– Ты у нас красавица, Ники, – говорил он, – а родинка делает тебя еще очаровательнее. И не нужно скрывать ее. А если мальчишки не видят этого, они просто дураки, куклы на сцене, входящие в возраст половой зрелости. – Он поцеловал ее в щеку.

От воспоминаний у нее першило в горле. Может, оттого, что благородные идеи отца не пережили его. Она избавилась от родинки хирургическим путем, когда ей стукнуло восемнадцать.

Интересно, повторись все снова, поступила бы она так сегодня?

– ...в организме следы барбитуратов, – говорила Ким. – Бензодиазепин, тот же психосоматический препарат, который он использовал во всех четырех случаях. В количестве, более чем достаточном, чтобы сделать ее вполне податливой.

– Следы половых сношений? – осведомился Брэд.

– Отсутствуют.

– Из чего не следует, что их не было вовсе, – вставила Ники, поймав острый взгляд Брэда.

Он слегка кивнул в знак согласия. Вот и все – простой жест, свидетельствующий о том, что ее вклад отмечен и должным образом оценен. Удивительно, как ему удастся поднять ей

настроение, совершенно о том не догадываясь. Другие женщины – служащие конторы, утверждали, что он точная копия блондина Джорджа Клуни, только, может, на десять лет моложе.

Да, сходство улавливается. Карие, постоянно согретые улыбкой, проницательные, словно проникающие глубоко в душу, глаза. Коротко стриженные волосы, мягкое, слегка удлиненное мальчишеское лицо. Внешность стопроцентного джентльмена, подчеркиваемая поведением – чаще всего чутким и вежливым.

Но тесные рабочие контакты приучили Ники к тому, что, несмотря на этот «мармеладный» набор внешней привлекательности, Брэд вовсе не мягкий и уступчивый. Чуть что, и углы становятся куда острее, чем поначалу казались. Безупречный вид и модный костюм не мешают ему уделять самое пристальное внимание деталям и уверенно высказывать свое мнение даже вразрез высказываниям окружающих.

Его магнетическая способность привлекать женщин своей мальчишеской внешностью и силой убеждения умерялась только сильным нежеланием связывать себя какими-либо обязательствами, что превращало этого человека в сплошную загадку.

На взгляд Ники, в нем четко проявлялись особенности человека с прошлым настолько тяжелым, что это вынуждало его возводить вокруг себя защитную стену. Именно это заставляло ее так долго сдерживать свое влечение к нему. И даже если она ему небезразлична, а похоже, так оно и есть, Ники не была уверена, что ей небезразличен мужчина, которого она не может толком понять. Она психолог, и это ее работа – проникать в потаенные глубины души. И тот факт, что с Брэдом это не получается, порождал постоянное беспокойство.

Взгляд у него мягкий и добрый, но что таится за ним? Незнание. Однажды она уже ошиблась в мужчине, и промахнуться еще раз ей не улыбалось. Занятия наукой о человеческом поведении не сделали ее более доверчивой.

– Он бы не стал торопиться, – задумчиво произнесла Ники. – Напротив, смаковал бы каждый миг общения.

– Именно так. – Ким приподняла голову, затем перевернула жертву на другой бок и театральным движением провела указательным пальцем по стопе, прикасаясь к каждому пальцу.

«Ох уж эта ее склонность к театральности», – подумала с восхищением Ники.

– За ногами она следила. Лак на ногтях свежий, от силы суточной давности. И вообще ногами, да и всем телом, она уже долгое время занималась.

– Ему тоже нравится заниматься косметикой и педикюром, – вставила Ники.

На пятке зияла черная дыра глубиной в сантиметр. Крови на ней уже не было.

– Он действовал такой же монеткой диаметром в сантиметр, возможно, той же самой, что и раньше. Разрезал кожу, дошел до пяточной кости, отделил длинную малоберцовую мышцу, затем перерезал переднюю большеберцовую артерию. Все как в первых трех случаях, за исключением вот этого. – Ким ткнула пальцем в правую пятку жертвы. – Тут нечто новое. – Она подняла небольшой, дюйма в два, свернутый листок бумаги и зажала его между указательным и большим пальцами. – Вот что он оставил в ране на правой пятке.

– Там что-то написано? – Брэд шагнул вперед.

– Похоже на то. Впрочем, я еще не разворачивала. Подумала, ты захочешь сам посмотреть, прежде чем я отправлю это в лабораторию.

«Это уже интересно. – Брэд чуть заметно улыбнулся. – Убийца оставил послание».

Начальник управления ФБР, специальный агент Джеймс Темпл, присел на край стола, установленного в северном углу зала заседаний и, подперев ладонями подбородок, пристально оглядел собравшихся своими карими блестящими глазами. Ники стояла, скрестив руки, прислонившись к стене и не сводя глаз с выведенного на экран увеличенного изображения записки Коллекционера Невест. Агенты, Мигель Руфино и Барт Крамер, сидели, откинувшись на

спинки стульев и поглядывали то на записку, то на шефа, то на Ники, то на расхаживающего по кабинету Брэда.

«Похоже, эти двое будут в деле хороши, но не более того, – подумал Брэд. – Нет в них самозабвенности, которая нужна для полной сосредоточенности на решении той или другой задачи».

– Итак, что мы имеем? – Темпл повернулся к Брэду. – А имеем мы дипломированного психа. Ненормального из чудного деревенского амбара, который проделывает дыры в женских пятках, чтобы сыграть с нами в прятки. – Он обвел присутствующих удивленным взглядом. – Извините за каламбур.

Руфино и Крамер заготовили, а Ники бросила на шефа уничтожающий взгляд:

– Я бы не стала...

– Только не надо кормить меня всякими психопштучками. Если это не дипломированный псих, то кто же?

Темпл, будучи рослым, отличался змеиной гибкостью. Он брил наголо голову и гордился своим телом, которое регулярно изнурял тренировками в спортзале.

«В Денвере этот человек явно не ко двору, – подумал Брэд. – Юго-восток, откуда его перевели, – дело другое, там его манеры не так бросаются в глаза. Но здесь на записных стрелков смотрят искоса, а Джеймс Темпл определенно из этого племени – горячий, скорый на выводы, холерик до мозга костей».

– Обычно, – заговорила Ники, – серийные убийцы – люди уравновешенные. Они хорошо образованны, обеспечены материально, нередко внешне привлекательны, на вид дружелюбны. В отличие от головорезов, чьи мании питают веру в свое превосходство, серийные убийцы действуют либо из мести, либо преследуя личные интересы. Они рассчитывают каждый шаг. Словом, на психов тянут.

– Почитай. – Темпл нахмурился и дернул своим заостренным, с ямочкой, подбородком в сторону экрана. – Любой кретин согласится, что этот маньяк нюни пускает. Или ты что-то другое можешь в этом вычитать?

Ники побагровела, но воздержалась указывать на то, что Темпл фактически сам назвал себя кретином. Она перевела взгляд на экран.

Записка была написана отличной шариковой ручкой, черными чернилами. Лист бумаги был аккуратно вырезан из тетради, сложен в несколько раз, затем свернут и засунут в отверстие на пятке Каролины. Текст написан по меньшей мере несколько дней назад.

Брэд перечитал чудовищное стихотворное послание:

Прекрасный рай патерян
Туда где разум торжествует
Пришел я и она змеиную главу снесла
Искал я и нашел седьмую
Да упокоится она в гнезде змеином
И вновь я аживу.

– Что-то с правописанием у него неладит.

– Извини, Джеймс, – внимательно посмотрел на шефа Брэд, – но на слабоумного он не похож.

Тот сдвинул брови и подтащил к себе стул. В подобных случаях репутация Брэда срабатывала безотказно. К тому же, прежде чем заблистать в Четырех Углах, он работал в Майами, а это превращало его, по крайней мере в глазах Темпла, в родственную душу. И он дважды подумал бы, прежде чем отмахнуться от слов Брэда.

– Думаешь? Ну что ж... – Темпл сделал приглашающий жест. – Просвети нас в таком случае.

Пытаясь скрыть замешательство, Ники отвернулась к затемненному окну.

– По-моему, Ники права, – кивнул Брэд. – Мы имеем дело с очень умным человеком, который отлично знает, что делает, – в границах собственного мира.

– Из того, что он умеет проделывать дырки в пятках и зачищать за собой, еще не следует, что это не безумец.

– Верно, – вмешалась Ники. – Но даже если он страдает психическим расстройством, неправильно считать его животным.

– Мне ясны мотивы и ясны намерения. – Брэд указал на светящиеся на экране слова. – И было бы серьезной ошибкой думать, будто автор не знал точно, что он пишет и почему.

– Хочешь сказать, он объявляет о своем следующем шаге? – Темпл перевел взгляд на экран. – Нельзя ли поподробнее?

– Представь, что это написано ученым или поэтом с хемингуэевским, скажем, интеллектуальным уровнем. И написано именно для нас. А пара грамматических ошибок сделана специально, чтобы выглядеть не очень умным.

– Грамматика не так уж связана с интеллектом, – заметила Ники.

– Это я понимаю. Но ты следи за ходом мысли. О чем в действительности он пишет?

– О том, что красота рая утрачена, – прочитала Ники. – О грехопадении.

Темпл на секунду зажмурился, демонстрируя таким образом свое нетерпение.

Брэд кивнул Ники. Она кивнула в ответ и снова повернулась к экрану.

– Он говорит, что место, где некогда обитали красота и невинность, то есть рай, дарованный человечеству, утрачен. И виноват в этом змей. Или дьявол, или зло – можно назвать как угодно. Насчет третьей строки не уверена: «Пришел я и она змеиную главу снесла», – это непонятно. – Она посмотрела на Брэда.

– Мотив, – пояснил Брэд. – Змей уничтожил красоту, но и сам пострадал при этом. Он в смятении. Ну, дальше.

– Дальше ясно, – кивнула Ники. – В последних трех строчках все прямо сказано. Он ищет замену павшей, и если найдет, его жизнь продолжится.

– Он ищет жену, – проговорил Брэд. – Новую Еву.

– И что нам это дает? – подал голос Барт Крамер.

Шеф пропустил его слова мимо ушей и снова поднялся со стула.

– Ладно, пока ясно. Что еще?

Брэд обогнул стол, не спуская глаз с экрана, где красовались слова, начертанные рукой убийцы.

Перед его глазами возникла картина... Письменный стол. Все на своих местах. Полный порядок. Перо, покоящееся на бумаге, пока слова, которые преступник повторял тысячу раз, проносятся в голове, обретают хоровое звучание, а хор складывается в симфонию. Реквием, сотрясающий землю и требующий внимания слушателей.

И эта истина воплощается в словах на простом листе белой бумаги, предназначенном для его злейших врагов. Это словно раздеться догола, когда чувствуешь одновременно и страх, и возбуждение. Убийца явлен миру. Вся его жизнь здесь, на этом листе бумаги.

Брэд откашлялся.

– Он совершает ритуальные убийства, убийства, которые возвращают его к жизни. При этом не испытывает ни малейшего гнева – ни на одном из мест преступления мы не нашли следов ярости.

Местные полицейские обнаружили первую жертву три недели назад в заброшенном амбаре к югу от большой железнодорожной станции, в безводной Большой долине, почти на границе штатов Юта и Колорадо. Серене Баркер было двадцать три года, и полиция сочла

ее жертвой ритуального убийства, совершенного сектой сатанистов. К тому времени как ее нашли, девушка была мертва три дня, и койоты успели добраться до ее левой ступни.

После того как в шестидесяти милях к северу от Денвера, в доме, расположенном невдалеке от городка скотоводов Грили, был найден еще один труп, к делу подключилось ФБР. Девушку звали Карен Нили, возраст – двадцать четыре года. И вновь тело бережно сохранено, находилось в почти безупречном состоянии. Расследование убийства поручили Брэду, который первым делом затребовал все материалы по первому делу.

Брэден Холл, как детектив весьма пунктуальный, тщательно задокументировал все детали. Речь почти наверняка идет о серийном убийце.

Третью женщину Коллекционер Невест убил через неделю, в парке к югу от Денвера. Джулии Пакстон было двадцать, и нашли ее через восемь часов после смерти – призрак искалеченной красоты, распятый на стене собственного дома.

Всем женщинам меньше двадцати пяти. Все исключительно красивы. Пока гласности было предано только одно убийство – Джулии Пакстон, известной модели. Если не считать одинакового способа убийства, между жертвами не просматривалось никакой связи.

Что касается убийцы, следы, обнаруженные на месте первых двух преступлений, заставляли предполагать, что это мужчина весом от восьмидесяти до девяноста килограммов, – об этом свидетельствовали отпечатки ботинок. Никаких образцов ДНК, которые можно было бы прогнать через общую базу данных (КОДИС): ни волосков, ни слюны, ни крови, ни семенной жидкости, – никаких скрытых следов, способных привести к убийце.

Одним словом, призрак.

– Его мотив, – продолжал Брэд, – поиски жизни, а не желание умертвить. Он верит, что прокладывает женщинам путь к жизни.

– Вот это, – уставился на него Темпл, – и есть звоночек о том, что появился псих. Извини, конечно, но когда людей мучают и забивают «для жизни», для меня это чистое безумие.

– Психопатия? Возможно, – кивнула Ники. – Умственное расстройство? Вероятно. Но не слабоумие. Он, может, не глупее всех нас. В некоторых случаях прослеживается прямая связь между психозом и интеллектом. И нам лучше исходить из того, что Коллекционер Невест умнее любого из присутствующих в этой комнате. Иначе рискуем серьезно недооценить его.

– Такой, стало быть, портрет? Тот тип, что нам нужен, – гений?

– Да, – произнесла Ники, помолчав.

Темпл скрестил руки на груди и оперся спиной о стол.

– Что ж, давайте исходить из этого, возражать не буду.

– Больше того, – снова заговорил Брэд. – Он хочет, чтобы мы знали, что он преследует красивых женщин. Это из его слов явствует вполне. Я бы сказал также, что он знает, что мы разгадаем его уловку выглядеть человеком не шибко грамотным. Он хочет, чтобы мы разыскивали высокого интеллектуала со склонностью к убийству красивых женщин, потому что в молодости какая-то из них обманула его. Но на деле все не так. Что скажешь, Ники?

Голубые глаза ее расширились. Погруженная в свои мысли, она кивнула:

– Верно, до жути верно.

Темпл побарабанил пальцами по столу.

– Что ж, сыграем в его игру по его же правилам. Ищем самых красивых женщин в Денвере и его окрестностях.

– Как раз этого он от нас и ждет, – возразил Фрэнк. – Готов выслушать любые предложения. Если их нет, оставляем его при деле, пусть даже это означает игру по его правилам. И без шума. Нельзя, чтобы любая девушка, считающая себя хоть чуточку симпатичной, впадала в панику. У амбара следов от шин не нашли?

– Нет.

– Другие улики?

– Пока ничего. Волосы, телесные выделения, отпечатки пальцев – все принадлежит жертве. Там еще три волоска нашли, сейчас ими занимаются. Вообще-то они любому, кто там ошивался, могут принадлежать.

Темпл кивнул Фрэнку и посмотрел на остальных:

– Еще какие-нибудь мысли?

Ники отошла от стены и заходила по комнате.

– Хочешь сыграть по его правилам? Тогда надо начать с изучения всех случаев психических заболеваний в штате Колорадо.

– То есть возвращаемся к чокнутым?

– Ты меня не слушаешь. Повторяю: гений и душевное заболевание не исключают друг друга.

– Но с тем, что он псих, ты все же готова согласиться.

– По-моему, наш клиент не псих. Или не просто псих. Может, он просто не в себе. – Ники тяжело вздохнула. – Может, психопат, или лунатик, или страдает острыми приступами шизофрении. Но слюни изо рта у него не текут.

– Таким образом, пока мы не убедились в обратном, считаем, что он душевнобольной и гений одновременно. Так?

Ники кивнула.

– Тот кто не склонен к полному одиночеству, стремится к общению в Интернете или в приемных психиатрических клиник. Это наш отправной пункт.

– Начинаем просматривать медицинские карты во всех психиатрических клиниках, домах призрения – повсюду. – Темпл быстро повернулся к Брэду. – Прошерсти все, что сможешь, сравни все, что нам известно о Коллекционере Невест, с описанием каждого зарегистрированного случая психического заболевания за последние... – Он посмотрел на Ники. – Десять, скажем, лет?

– Слишком много таких случаев. Психические заболевания распространены гораздо шире, чем ты думаешь. По стране в психиатрические лечебницы попадает около семисот тысяч человек ежегодно. Так что давайте ограничимся одним годом.

Темпл выглядел потрясенным, и Брэд удивился: неужели тому до сих пор неизвестна эта статистика?

– Да поможет всем нам Бог. – Темпл посмотрел на настенные часы. Около десяти. – Ладно, год так год. Мне пора.

– Следует также исходить из того, – остановил его Брэд, – что этот тип собирается убить семь женщин. Седьмая красавица, которая фигурирует в его послании, возможно, последняя жертва.

Повисло молчание.

– Если только он не убил еще трех, о чем просто никто не знает, – проронил Фрэнк.

– Исходим из худшего: могут быть три жертвы.

Все повернулись к Ники.

– И будучи умнее всех нас, он знает, что мы знаем это. Он хочет, чтобы мы знали, что он собирается убить еще троих, – решительно проговорила Ники.

– Сходится.

– Он скоро объявится, – быстро подхватил Брэд. – Если на убийство ему требуется несколько дней, он уже приступил к подготовке. Для серийного убийцы, который убивает для удовлетворения внутренней потребности, характерны краткие циклы. А вот наш клиент действует не просто по чистому побуждению, но и по расчету.

Все как по команде скрестили руки на груди и уставились на него.

– Ладно, пошел. – Темпл схватил мобильник и ринулся к двери. – Исходим из того, что наш клиент сейчас где-то рядом и посмеивается над нами, недоумками, подкрадываясь к кра-

савице, которую собирается через несколько дней отправить на тот свет. – У двери он остановился и повернулся к собравшимся. – Из любви ко всему, что свято, остановите его.

ГЛАВА 3

Квинтон Гулд предвкушал радость поглощения сочащихся кровью ребрышек на вертеле, которые подавали в шашлычной «Элвей», на углу Девятнадцатой улицы и Кэртис, в квартале от помещения ФБР на Стаут-стрит, в центре Денвера, штат Колорадо, США, Северная Америка, Земля, Вселенная, Бесконечность.

Мысль о близости к человеческим существам, которые могут разрушить его замысел, заставляла Квинтона заняться расчетами. Настало время раздумий и самопроверки.

Погружаясь в раздумья, Квинтон испытывал чувство полного удовлетворения.

Официант, высокий светловолосый мужчина с наметившимся животом и острыми локтями, поставил на стол керамическую тарелку, поддерживая ее снизу горячей салфеткой кремового цвета, чтобы не обжечь ладони.

– Осторожнее, горячо.

– Спасибо, Энтони.

– Все как вы хотели?

– Через минуту вы об этом узнаете.

– Может, все-таки что-нибудь еще? Овощи? Хлеб?

– Нет, спасибо, больше ничего не надо.

– Выпьете что-нибудь?

– Вода на столе. А водой, Энтони, очень хорошо запивать мясо, особенно после того, как много крови пролилось.

Официант скромно улыбнулся, давая понять, что ценит выбор слов, какими Квинтон оперирует, рассказывая о забитой корове. Но Квинтон имел в виду не корову, а Кэролайн. Кэролайн не была коровой, и ее не забили на бойне. Она была из числа богоизбранных, и ее просверлили. А потом она истекла кровью.

«Благослови меня, Отче, ибо я согрешил».

Квинтон взял со стола вилку и зажал ее в своей большой костистой ладони. На секунду застыл, глядя на золотые запонки в манжетах рубахи, выглядывающих ровно на два сантиметра из рукавов голубого костюма для особых случаев.

Он никогда не работал в костюме и галстук, находя их слишком тесными и предпочитая наготу, прикрытую разве что короткими трусами.

На мгновение он остановил зачарованный взгляд на зажатой в пальцах вилке с желтой ручкой. Эта длиннее обычных вилок. Вилка настоящего мужчины. Его пальцы тоже были длиннее обычных мужских пальцев сантиметра на два. Если судить по одним лишь ладоням, можно подумать, что его рост больше двух метров. На самом деле в нем было под метр девяносто.

Поглощенный видом мяса на металлическом вертеле, этой твердой материи, обьятой мягкой плотью, он потряс ладонью. Когда-то давно собственные руки показались ему вдруг слишком длинными и нескладными, этикие отростки на длинных костях. Тогда-то он и решил как можно более тщательно ухаживать за руками и постепенно начал ценить их по достоинству. Они обладали несравненной красотой, а в красоте он разбирался лучше большинства людей. Целый год дважды в неделю он предоставлял пальцы рук и ног в распоряжение азиатских женщин, и результат получился впечатляющий.

Квинтон пошевелил указательным пальцем. Затем еще раз, пытаясь уловить послания, которые проносились по нейронам его мозга со скоростью шестьсот единиц в секунду, чтобы затем добраться по нервным окончаниям до мышц руки. Маленькие сгустки энергии неслись от мозга к ладоням по ясному, точно выверенному направлению, но он не отдавал себе отчета в том, как и когда начался и закончится этот цикл. Каким образом решения превращаются в команды. Когда команда становится движением.

Мозг – это тайна для большинства человеческих существ, и для Квинтона Гулда тоже.

Он подумал, что погружение в глубины лучших сторон жизни растянулось у него на целую минуту, а может, и больше. Неплохо. Ведь в конце концов он пришел сюда получить удовольствие. А какое удовольствие может превзойти способность сознания к самоудовлетворению!

Пока Квинтон созерцал свою ладонь и зажатый в ней прибор, он пребывал в полной гармонии со всеми, кто находится в этом заведении, где люди едят.

Например, с барменом при серебряных серьгах: он извинился перед женщиной, которой выплеснул на руки пиво, и предложил бесплатную выпивку. Женщина отказалась, но выругала бармена за неповоротливость. Настоящая корова, которую обманый внутренний голос уверяет, что ее черные брюки из синтетики недостаточно тесны, хотя за последние три месяца она набрала из-за лекарств пять килограммов веса. Кажется, ее угнетает депрессия.

Еще с двумя посетителями – один с чумазыми детьми, – появившимися уже после того, как он взял вилку.

С мужем и женой, сидящими через два столика от него и рассуждающими о цене нового грузовичка и какого он должен быть цвета, синего или серого. Черный быстро загрязняется.

«Нет, это белый быстро загрязнится, – мысленно возразил Квинтон. – Может, помочь им освоить различные оттенки слова “грязь”»?

С симпатичной официанткой в белом переднике, улыбнувшейся ему, проходя мимо столика. Он показался ей интересным мужчиной. Привлекательный. Судя по виду и осанке – настоящий джентльмен. Он понял это не только по ее взгляду. Просто женщины всегда отмечают в нем эти достойные восхищения качества. А помимо того, эту конкретную женщину, которую, судя по бейджику, зовут Карен, не оставила равнодушной его высокая фигура. Говорят, рост не имеет значения, но большинство женщин, когда дело доходит до роста, выказывают-таки свои пристрастия. Карен явно нравятся крупные мужчины.

В окне застряла муха.

И еще много чего промелькнуло у него в сознании, пока он теребил вилку. Не в последнюю очередь – аромат, исходящий от ребрышек. Квинтон взял вилку в левую руку и прижал палец к шейке, чтобы держалась ровно. Он вонзил в нежное мясо зазубренное лезвие ножа, какими сервировали стол у Джонатана Элвея, знаменитого квотербека команды «Денвер бронкос», который, как показали исследования трехдневной давности, когда Квинтон тщательно подыскивал соответствующий событию ресторан, действительно ходил у Бога в любимчиках.

«Благослови меня, Отче, ибо я согрешил».

Элвей, мужчина завидной физической силы и умственных способностей, умел так мощно бросить мяч-дыню, что защитники даже не замечали полета, не говоря уж о том, чтобы помешать снаряду достичь нужной цели.

На своей богоданной площадке Джонатан Элвей, известный миру как Джон Элвей, и сам был воистину бог. Не то чтобы он ошибочно полагал себя богом, как большинство человеческих особей, жаждущих избыть свои ничтожные фантазии. Он на самом деле был богом, хотя скорее всего сам об этом не догадывался.

Квинтон отправил в рот первый кусок мяса и прикрыл глаза. Божественный вкус. Румяная корочка слабо хрустнула, обнажив влажные волокна. Он глубоко вонзил зубы в нежную плоть, и в рот хлынул сок, образовав под языком целую лужицу.

Так вкусно, так сладостно, что он даже позволил себе слегка застонать. Еще два надкуса с закрытыми глазами, чтобы ни на что не отвлекаться. Получаемое удовольствие требовало голосовой, а не визуальной оценки.

– М-м-м-м... м-м-м-м... Великолепно, – прошептал он.

Важно не сгибаться. Притворяться перед самим собой – значит, принижать себя. Большинство носит на людях маску, чтобы взять реванш за собственные недостатки и слабости.

Весь мир сгибается, он населен людьми, играющими роли, способными обвести вокруг пальца только дураков. Печально: люди столько времени носят маски, что даже сами перестали отдавать себе в том отчет.

Я – крупный управленец, заработавший немало денег, это должен подтвердить «Ролекс», на моем запястье.

Я – первоклассный любовник и опора всего, о чем свидетельствуют натренированное тело и ухоженная внешность.

Я вполне доволен собой, это видно из небрежной походки, когда я прогуливаюсь, надев лишь спортивный костюм и фуфайку.

Я никто. Но пожалуйста, пожалуйста, никому об этом не говорите.

Голос чумазого мальчишки, сидящего в противоположном конце шашлычной, скрежежом отозвался в голове. Квинтон подавил гримасу неудовольствия. Да, важно не сгибаться, но не менее важно уважать святость чужой территории. Мальчишка нарушил тишину и покой в зале. Нет сомнений: любой клиент заведения охотно запихнул бы ему в горло носок или швырнул ботинком, если бы не боялся показать свое истинное лицо.

Он перестал думать о мальчишке и сосредоточился на аромате, благоухающем во рту. Заработал челюстью с удвоенной силой, омывая соками гортань и горло. Проглатывая кусок за куском. В сознании проносились сцены недавнего спектакля, который он отмечал сегодня, нарушив вегетарианскую диету. Время, проведенное с Кэролайн, принесло такое же удовлетворение, какое приносит любое великое свершение. Но физического наслаждения от кровопускания он не получил.

Иное дело ребрышки... Почти как секс. И поскольку сексуального удовлетворения Квинтон не получал с той самой ночи три года назад, он особенно смаковал любое физическое удовольствие – это напоминало, что испытывать физическое удовольствие – бесценный дар.

Известие о смерти Кэролайн скоро отзовется в мире единственным вопросом: кто? Кто это сделал? Может быть, сосед, или продавец из магазина, или директор школы?

Люди предсказуемы, как очередной кадр в мультфильме. Картонная вырезка необычной формы, и та сложнее.

Есть лишь одно человеческое существо, которое действительно что-то значит, и в настоящий момент это он сам. Подлинный актер на сцене жизни, где все вокруг – театральная гримерка.

Зрителей интересует только он, остальные – массовка. Все одинаковы, лишь у немногих хватает смелости понять или признать эту единственную, прекрасную, горькую истину: в глубине души каждый считает себя пупом земли.

«Но сейчас в центре – я, – размышлял Квинтон, – и у меня хватает ума оценить это положение. Бог избрал меня, Квинтона Гулда. Вот так просто. Бесспорно. Окончательно. И это подчеркивает значимость миссии и реальность текущей задачи. Еще три – так я решил. И в конце самая красивая».

Мальчишка в противоположном углу расхныкался – ему не понравился горох. Великолепное овощное блюдо, но этот темноволосый малый на вид лет десяти-одиннадцати, отказывается следовать доводам разума – отчасти потому, что отец учит его не разуму, а капризам: «Как насчет мороженого, Джоши? Как насчет лобстера?»

Квинтон отрезал еще кусочек мяса и просмаковал его. Объединение. Редко он получал такое удовольствие от мяса. Но мальчишка отвлекал от еды, и Квинтон почувствовал регрессивное давление на психику. Джоши – явно чокнутый, хотя внятных причин для этого не видно. Он просто бьет мимо цели. Ему капут. Разлагается задолго до того, как попал в могилу.

Теперь Квинтона мало что отвлекало от главного. Он давно научился управлять своим сознанием. Когда-то врач диагностировал у него шизоидное расстройство, то есть состояние, при котором наблюдаются нарушения мозговой деятельности и склонность к раздвоению лич-

ности. Пять лет жизни прошли в медикаментозном тумане, пока он наконец тайно не восстал против давления. Его состояние вовсе не болезнь, это величайший дар. Он по-прежнему принимал небольшую дозу лекарств, чтобы подавить тик – естественный побочный продукт высокоорганизованного сознания, – но в остальном полагался на собственную глубокую сосредоточенность и просвещенность.

Сейчас все силы его незаурядного интеллекта были направлены на то, чтобы сохранять спокойствие. Хрустящие ребрышки во рту приобрели теперь вкус картона. После недавнего знаменательного события небеса ему улыбались, но крысам на земле было все равно. В этом мире не осталось даже намека на уважение.

Отец предложил Джоши взять «перерыв», чтобы подумать о своем поведении, и мальчишка с воплями помчался в туалет. Никто в зале словно не обратил на это внимания.

Вся эта мизансцена опротивела Квинтону. Он спокойно положил нож на стол и семь раз, меняя концы, протер рот салфеткой – такая процедура всегда помогала ему взять себя в руки. Он сделал еще один большой глоток чистой воды, сунул под тарелку стодолларовую купюру и поднялся.

Кивнув и улыбнувшись официантке, которой явно понравился, он двинулся в сторону туалета.

«Когда сохраняешь твердость, – про себя поучал недалеких людишек Квинтон, – важно не выделяться в толпе. Настоящая жизнь. Но без высокомерия и вызова. Проблема мальчишки в том, что он выделяется в толпе, ведет себя как избалованный принц, поедающий мороженое, в то время как королевство питается горохом.

Моя задача просветить мальчишку, не повторяя его ошибки, то есть не привлекая внимания. Свет ramпы мне не нужен, особенно сейчас».

Он прошел в туалет, обернувшись по пути и убедившись в том, что никто не спешит оторваться от своих тарелок и бокалов. Дверь закрылась за ним с негромким стуком. Мальчишка стоял перед унитазом и протяжно подвывал, словно оказался на похоронах, а не съел только что порцию мороженого.

Намереваясь покончить с делом как можно быстрее, Квинтон подошел к кабинкам, убедился, что обе пусты, затем направился к мальчишке.

Он похлопал Джоши по плечу. Мальчишка как раз застегивал брюки и резко повернулся, вскрикнув от неожиданности.

– Ты чего ноешь, юноша? – поинтересовался Квинтон.

Джоши оправился от первоначального страха и поджал губы.

– Не твое дело, – буркнул он и сделал шаг к выходу.

Квинтону стало ясно: дело плохо. Мальчишка душевно нездоров или, скорее, просто испорчен. Вмешательство и разумно, и необходимо, чтобы оставить ему хоть какую-то надежду вступить в зрелый возраст хорошо подготовленным.

Квинтон рукой остановил мальчишку.

– Не так быстро, юноша. Я задал вопрос и жду ответа. – Он отбросил мальчишку к стене и впился ему в плечо.

– Ой! Пусти!

– Не веди себя как ребенок, – спокойно произнес Квинтон и поправился: – Юноша. «Да, именно так, – похвалил себя Квинтон, – ибо это английское слово придает всей фразе должное звучание». – Скажи, почему ты считаешь, что у тебя есть право хныкать? Ответишь правильно – обойдемся предупреждением.

– Пусти, урод! – Мальчишка попытался вырваться.

«У него что, вообще мозгов нет? Нет даже малейшего представления, с кем он имеет дело?»

Квинтон теснее сжал пальцы на плече мальчика, наклонился, чтобы не повышать голос, и сурово прошептал:

– Не сегодня завтра тебе всадят пулю в лоб. Я бы и сам это сделал при других обстоятельствах. Ты не единственный сопляк в мире, и, по правде говоря, большинство людей скорее прикончат тебя, чем будут слушать твои жалобы.

Мальчик в ужасе уставился на него. На штанах у него выступило темное пятно. Он явно не успел до конца опорожнить мочевой пузырь.

– Только аккуратнее выбирай слова. Все равно никто не поверит, что я стукнул тебя. Лицо и так красное как свекла, а все потому, что ведешь себя как ребенок. Но если все же ты, когда выйдешь, скажешь всем, что я тебя ударил, я ведь могу пробраться к тебе в комнату, когда заснешь, и вырвать язык.

Но мальчик повел себя так, как в подобной ситуации среагировали бы большинство человеческих особей. Он стал самим собой. И закричал:

– Убивают!

Хорошо рассчитанным движением Квинтон двинул открытой ладонью заходящемуся в крике мальчику в челюсть. Если бы он не удерживал его за плечо, силы удара хватило бы, чтобы отбросить Джоши к противоположной стене, но не сломать ему челюсть или шею.

– Благослови тебя Бог, парень, потому что ты грешник.

Этого оказалось достаточно, чтобы мальчик умолк.

И опустил на пол. Квинтон оттащил обмякшее тело в угол и втиснул его между стеной и унитазом.

Удовлетворенный сделанным, он подошел к зеркалу, поправил воротничок, подтянул рукава так, чтобы манжеты выходили на нужную длину, пригладил левую бровь, немного растрепавшуюся в ходе эпизода, и вышел из туалета.

Никто в переполненном ресторанчике на него и не посмотрел. Узнай все эти люди, что Джоши уснул в сортире, весь зал, может, встал бы и от восторга зашелся в хохоте. Но если бы все эти люди достаточно долго продержали пальцы скрещенными, в один прекрасный день мальчишка заснул бы за рулем, врезался в перила моста и рухнул в реку, где нашел бы ледяную смерть.

Квинтон почувствовал себя вдвойне удовлетворенным. Пусть он не доел ребрышки, зато пришел на помощь и мальчишке, и всем этим крысам в ресторане, да так, что никто из них даже бровью не повел. Кроме Джоша, конечно.

Квинтон шел между столиками и ловил на себе беглые взгляды, какими обычно награждают людей с незаурядной внешностью. Встречая в ежедневной суете множество людей, лишь единицы осознают, как много психически нездоровых каждый день попадает в продуктовых магазинах или ресторанах. А если станет известно, сколько нормальных на вид людей нездоровы психически и сами о том не подозревают, – это вызовет шок у миллионов.

Продвигаясь к выходу, Квинтон подмигнул официантке, затем поблагодарил Энтони за превосходный стол. У двери его тепло приветствовала женщина-метрдотель.

– Ну как, все понравилось?

– Да. Да, Синтия, все хорошо. У вас нет, случайно, дезинфицированной зубочистки?

Синтия покосилась на поднос, полный зубочисток, затем наклонилась, извлекла из-под стойки целую коробку зубочисток в индивидуальной упаковке и понимающе улыбнулась.

– Спасибо. – Он отсчитал семь штук и кивнул. – Это для моих друзей.

– Да о чем речь, возьмите всю коробку.

– Нет, этого я себе позволить не могу. Сомневаюсь, что Джону понравится: подумает, будто его обкрадывают.

– Да что вы говорите, – рассмеялась она. – Мистер Элвей очень щедрый человек.

– Да, согласен. Судя по шашлыкам, скупердяем его не назовешь. Приятного вечера, Синтия.

– Спасибо. Поезжайте поосторожнее.

– Извините, чуть не забыл. – Он задержался у выхода и повернулся к Синтии. – Помоему, в туалете какой-то парнишка заснул.

– Правда?

– Точно не скажу, но мне он показался спящим. – Квинтон небрежно помахал рукой на прощание. – Ладно, еще раз спасибо.

Он вышел на улицу в ночь. Сделал глубокий вдох, смакуя щекочущий ноздри запах свежезажаренного мяса, исходящий из ресторанной кухни.

Автомобиль многое говорит о владельце. Ему приходилось слышать, что один исключительно состоятельный человек, чье имя он сознательно стер из памяти, предпочитал старенький пикап «мерседесу». Квинтон сразу понял, что этот человек либо безнадежно не защищен, либо совершенно безумен. Никто в здравом уме и твердой памяти не будет скрывать своего богатства, если только нет нужды это скрывать.

Квинтон ценил утонченность, то, о чем недавно еще не имел представления Джош, но водить пикап, когда у тебя на счету сто миллиардов, – что может быть дальше от утонченности? Если чувствуешь себя незащищенным, глубокое заблуждение полагать, будто, притворяясь обычным человеком, ты таким и становишься. Если уж на то пошло, подобного рода неестественное поведение привлекает больше внимания, чем честность с самим собой. Может, не желая выглядеть просто еще одним богачом, разъезжающим в дорогой машине, он жаждал большего внимания? И его поведение объяснялось незащищенностью, а не безумием?

Попытка логически обосновать подобную ситуацию привела к тому, что в мозгу Квинтона что-то щелкнуло и во рту появился тошнотворный привкус. Он провел довольно долгое время, муссируя этот вопрос, но так и не пришел к определенному ответу.

Он обогнул ресторан, подошел к своему «Крайслеру М-300» и заметил, что рядом припарковалась «БМВ М-6» – самая дорогая из машин этой марки, что явно добавляло тестостерона владельцу, кто бы он ни был. Незаметный знак – М-6 – единственное, что могло бы подсказать прохожему, что этот автомобиль гораздо дороже других, таких же, во всем остальном от него не отличающихся.

Тем не менее утонченность ощущается. Блажь, конечно, но в разумных пределах. Он на мгновение задумался, не стоит ли проколоть шины «БМВ», но отбросил эту мысль как фантазию маленького человека.

Квинтон находил удовольствие в том, что не испытывает ни неприязни, ни зависти к тем, кто считает себя более значительной персоной, чем он, но, однако же, мог прямо сейчас зайти в любой банк или наведаться на Уоллстрит, и его бы встретили там с теплотой и уважением, какие приберегают только для преуспевающих бизнесменов. Иное дело, что он не извлекал из этого факта неподобающего удовольствия. Впрочем, и насмешки он у него тоже не вызывал.

Точно так же мог он надеть любую пару своих многочисленных и одинаковых серых брюк клеш, натянуть голубую рубашку с коротким рукавом, надеть обручальное кольцо, сесть за руль старенького пикапа «шевроле», который он предпочитал «крайслеру», и в очереди в кассу любого бара или продуктовой лавки его приняли бы за своего – уважаемого малого из соседнего дома.

Квинтон снял пиджак и сел в машину. Прежде чем отправиться домой, он наведается к Мелиссе Лэнгдон. Она должна вернуться в ближайшие полчаса. Если поторопиться, можно опередить ее.

Дорога на юг, затем на север по трассе Санта-Фе, в район, где проживала мисс Лэнгдон, заняла целых двадцать пять минут. Он притормозил на соседней к Пиквью улице, на доста-

точном расстоянии, чтобы не вызвать подозрений в доме с голубыми стенами, но достаточно близко, чтобы видеть, как она входит и выходит.

В ночной тишине свет уличных фонарей не разрезал темноту. В большинстве домов в этой округе имелись гаражи на две машины, но удобно поставить там можно было только одну, что заставляло многих местных жителей оставлять вторую машину либо на подъездной дорожке, либо на улице. Его черный «крайслер» пристроился на ночь вместе с десятком похожих машин.

Он проверил зеркала: сначала правое, потом левое и снова правое и левое. Всякий раз его взгляд, сканируя улицу, улавливал нечто новое: белый «мустанг», газовый кран, перекресток, кусты можжевельника через дом отсюда, кошка, перебегающая дорогу у знака «Стоп» в квартале позади...

Людей не видно. Угрозы нет.

Посмотрев в зеркала семь раз, Квинтон заглушил двигатель. Наступила тишина. Он достал зубочистку, снял пластиковую оболочку, стараясь не задеть деревянный кончик, который отправится в рот, и принялся методично прочищать щербинки между зубами.

Впереди, освещаемый фонарем на крыльце, стоял в спокойном ожидании дом с голубыми стенами, где жила Мелисса Лэнгдон. В этом длинном одноэтажном здании с пологой крышей площадью примерно сто сорок квадратных метров, на улицу выходило семь окон, включая ванную, расположенную рядом с хозяйской спальней. К дому примыкал большой двор. Но Мелиссе некогда было задумываться о его размерах, разнося напитки и печенье на высоте девяти тысяч метров над землей.

С того раза, когда Квинтон обходил дом сзади, сорняки во дворе выросли по щиколотку. Из кустов выскочила кошка, и он от неожиданности упал на спину. Кошку задушил в тот же вечер, заработав при этом несколько глубоких царапин. Забавно, но умерщвление безмозглого животного оказалось занятием более опасным, нежели кровопускание нескольким взрослым человеческим особям.

Сделав дело, он положил кошку под переднее колесо автомобиля, чтобы все выглядело так, будто она перебежала улицу и попала под машину. Ему не хотелось, чтобы хозяин кошки нашел ее и заявил, что его любимицу задушили рядом с домом Мелиссы Лэнгдон.

Кто-то, может, и удивится, отчего Бог выбрал именно Мелиссу. Да, она красива, любой мужчина с этим согласится, но ведь даже Квинтон сначала не обратил внимания на эту стюардессу, когда она остановилась в проходе и спросила, что он желает выпить. Но к концу полета все встало на свои места. Бог сделал выбор, назначив Квинтона своим представителем.

В отличие от большинства шлюшек, поднимающихся в дружелюбные небеса, Мелисса была сердечно дружелюбна и улыбалась от души. Ее доброе округлое лицо обрамляли прямые светлые волосы, ниспадающие на плечи. Голубая юбка туго обтягивала узкие бедра. Окрашенные в рубиновый цвет ногти она стригла коротко, но тщательно ухаживала за ними. Ее пальцы отличались большим изяществом, они словно ласкали любой предмет, к которому прикасалась девушка. Во время полета она часто меняла дезинфицирующие салфетки.

Но высшая истина светилась в ее зеленых глазах. Чистая невинность. Глубокая, как лесное озеро. Мелисса из числа избранниц.

Не в силах оторвать от нее глаз, он в конце концов надел солнцезащитные очки. К тому времени как самолет приземлился, его рубаха пропиталась потом, а левая рука дрожала. У выхода она наградила его кивком и дружеской улыбкой, а он признательно пожал ей руку.

От прикосновения ее прохладной сухой кожи по позвоночнику пробежала дрожь наслаждения. Это единственное соприкосновение настолько поразило его, что он даже не туда повернул и уже миновал зону проверки, когда вспомнил, что должен пересест на другой рейс. Пришлось снова проходить проверку, а самолет тем временем улетел. Из расписания, которое обнаружил в ее туалетном столике еще неделю назад, Квинтон выяснил, что, если не возникло

препятствий, самолет ее должен был приземлиться в Денверском международном аэропорту примерно час назад. Хотелось надеяться, что она отправится прямо домой, никуда не заезжая по дороге.

Квинтон чувствовал, как дыхание, отражаясь от тыльной стороны ладони, несет в себе запах мяса. Когда он спросил последнюю из девушек, Кэролайн, нравится ли ей запах его дыхания, она со слезами на глазах кивнула. Три дня назад он сменил зубную пасту, перешел на «Крест», хотя до того бог знает сколько времени пользовался «Колгейтом»...

Улицу прорезал свет фар. Голубая «хонда-цивик» Мелиссы проехала мимо него. Квинтон ощутил слабость, в предчувствии надвигающегося возбуждения что-то внутри его дрогнуло.

«Благослови меня, Отче, благослови».

Он глубоко вздохнул и застыл на месте, глядя, как Мелисса сворачивает на подъездную дорожку. Дверь в гараж открылась и, впуская машину, захлопнулась.

Его невеста дома.

ГЛАВА 4

Октябрь в Денвере переменчив. Бывает сегодня холодно, завтра – жара.

«Как при ведении дела, – подумал Брэд. – След может обнаружиться в любой момент. Обычно благодаря серьезному расследованию, накоплению улик и тщательному их анализу».

Кто-то однажды сказал, что врачебное искусство – это процесс постепенного отсеивания различных версий, в результате чего у доктора остается один, наиболее вероятный диагноз, способный объяснить симптомы. То же самое можно сказать о работе детектива. Пока исключаешь одного подозреваемого за другим, продвигаешься вперед. Порой в условиях колоссального напряжения это оставалось для Брэда единственным утешением.

Когда имеешь дело с серийным убийцей вроде Коллекционера Невест, уверенность, что подозреваемый не остановится на очередной жертве, превращает процесс простого исключения подозреваемых в шахматную партию. Успех зависит не только от накопления улик, но и от способности правильно спрогнозировать дальнейшие шаги преступника.

Предвидение следующего хода убийцы означает проникновение в его сознание. Не потому что так хочется. При всем мастерстве никто, будучи в здравом уме, не пожелает такого «путешествия». Его предпринимаешь по необходимости.

Брэд зашел в бар Макензи, находящийся в квартале от его дома, пропустить на ночь рюмочку, а затем, оставшись в одиночестве, принялся прикидывать, что к чему. Для этого-то и приходилось проникать в сознание Коллекционера Невест.

Он проснулся, горя желанием вернуться на место преступления. Вернувшись из ванной, посмотрел на часы. Ничего себе – всего три часа утра. Брэд вновь скользнул под одеяло, взбил подушку и принялся размышлять о том, что такое «безумие».

Умопомешательство. Болезнь мозга. Коллекционер Невест.

Пробило семь – он, оказывается, задремал. Приняв душ, побрившись, надев светлые брюки и белую рубашу, Брэд вылил в раковину остатки кофе из чашки, глотнул лимонного сока и наскоро вымыл посуду.

Застегнув рубашу, он подошел к окну и выглянул на улицу. Квартира его находилась на пятом этаже десятиэтажного кондоминиума в двух шагах от Колфэкса – две комнаты и кухня, разделенные стеклянной матовой стеной. Даже при включенном уличном освещении снаружи ничего не видно, но из квартиры вполне можно было обозревать перспективу городского центра.

У горизонта на фоне светлого неба тянулись, то скрываясь за громоздящимися зданиями, то возникая в промежутках между ними, Скалистые горы. Далеко на юге поднималась вершина Пайкс-Пик, на севере, справа, угадывались могучие отроги Лонгс-Пик – украшения Национального парка Скалистых гор; грубо говоря, крайняя северная точка всего горного массива.

Брэд вздохнул. Где-то между обеими оконечностями в городском муравейнике, копошащемся перед ним, возможно, расхаживает убийца. И, как ни страшно признавать, очередная жертва преступника.

«Я тебя вижу, а ты меня нет». Так можно сказать о следователе. Так можно сказать об убийце. Сколько часов, сколько дней убийца выслеживал потенциальных жертв – женщин, привлечших его внимание благодаря своей внешности. Красивых, слабых, доверчивых, ни в чем не по винных...

«Кого ты выслеживаешь сейчас? Чей покой, чей мир, полный надежд, скоро нарушишь?» – размышлял Брэд.

Брэд выключил воду и бегло оглядел кухню. Ни пятнышка. Как и вся квартира. Мебель в гостиной представляла собой никелированные конструкции изящных форм с черной бархат-

ной обивкой. Столы стеклянные, но не дешевка с распродажи. У Брэда хороший вкус, а щедрое наследство позволяло ему этот вкус удовлетворять.

У дальней стены стояли две большие кадки с цветущим тростником. Никаких излишеств, но все хорошего качества, все на месте, все ухожено.

Брэд проверил, до конца ли завернут кран. Посмотрел на часы от Мовадо, убедился, что время есть. Позвонил Ники на мобильник, оставил сообщение на автоответчик с просьбой встретиться с ним в девять часов на месте преступления и пошел в спальню обуться. Нагнувшись за парой черных кожаных мокасин, он заметил оранжевое пятно.

Дамский купальник. Брэд сразу узнал его. Оранжевое танкини Лорен. Она была здесь три недели назад. Как эта вещица оказалась среди его брюк на вешалке и почему за это время он так ее и не заметил – загадка.

С Лорен, ослепительной женщиной, жившей этажом ниже, он был знаком около года. Она работала в центре города в салоне красоты «Нордстром». Беззаботная, веселая, на редкость чувственная. Встречались они скорее между делом. Близости не было, и Брэд не собирался нарушать дружеские отношения.

Но той ночью... Той ночью все обернулось очень интересно. С тех пор Брэду удавалось избегать Лорен.

Он снова взглянул на часы. Времени полно. Брэд сложил купальник, засунул его в большой конверт и написал Лорен записку.

Надо поговорить в ближайшее время, решил он.

Брэд подхватил кожаный чемоданчик, приготовленный со вчерашнего вечера, спустился к квартире Лорен, сунул конверт с купальником под дверь и спустился на лифте вниз.

Скорее всего убийца живет в квартире или в доме в стороне от оживленных районов, где передвижения в неурочные часы не бросаются в глаза. Или, наоборот, он общительный, как Тед Банди², легко растворяющийся в уличной толпе, хоть в центре, хоть на окраине, когда его тепло приветствуют ничего не подозревающие соседи или служащие.

– Доброе утро, мистер Рейнз, – кивнул ему охранник Мэзон.

– Вроде бы и впрямь доброе. – Брэд посмотрел на голубое небо.

– Вот-вот, я и говорю. Получше, чем в Майами. Но погодите, придет январь, и назад во Флориду запроситесь.

– Вы забываете, я жил там и зимой.

– И то правда. Это вам не Миннеаполис, – ухмыльнулся Мэзон.

Брэд выехал из подземного гаража. Он держал путь в кафе «Мейси» – там можно позавтракать и пообедать. Третий раз посмотрел на часы: 07:23. Никуда не торопясь и потому не пытаясь избежать пробок, Брэд доехал до места, взял у входа газету и, сопровождаемый Бекки, хозяйкой заведения, сел у окна.

– Аманда сейчас подойдет, Брэд.

– Спасибо.

Аманда, двадцативосьмилетняя разведенная женщина, в желтом платье и белом переднике напоминала больничного волонтера.

– Кофе и стевия, – произнесла она, поставив перед ним чашку и вазочку с заменителем сахара.

– Спасибо, что не забыла.

– Может, ты, малыш, и красавец, только не обольщайся: у меня коленки не подгибаются, как у остальных дам, с которыми ты водишься.

Она осклабилась, а Брэд засмеялся, скрывая смущение.

– Не пойму, что это – комплимент или пощечина?

² Печально знаменитый серийный убийца, наводивший ужас на Америку в 1974–1978 гг.

– Угу. Что-то у тебя кольца на пальце пока не видно.

– Так я и не тороплюсь завязывать отношения.

– И я тебя за это не осуждаю. – Флиртowała она как со старым знакомым.

Чувство защищенности, которое Брэд испытывал рядом с ней, было одной из причин, отчего он захаживал именно в это кафе. Но сегодня Аманда слишком разошлась.

– Сейчас яйца принесу. Всмятку, с двумя поджаренными хлебцами, полстакана апельсинового сока, свежавыжатого.

Он с улыбкой поблагодарил. По-прежнему ухмыляясь, Аманда отошла.

Брэд прожил в Денвере всего год, но, постоянно захаживая в одни и те же рестораны и магазины, заправляясь на одних и тех же заправках, стал среди местных своим.

А вот Коллекционеру Невест, если он действительно псих, душевнобольной, трудно приспособиться к обычной социальной среде. Если только ум не компенсирует душевное расстройство.

Брэд вышел из кафе в 07:44, поехал на север по трассе Денвер – Боулдер и в 08:29 был на Девяносто шестой улице. Он поставил «БМВ» впритирку к патрульной машине, взял чемоданчик и подошел к дежурному офицеру, стоящему у желтой ленты, опоясывающей место преступления.

– Доброе утро. – Он показал удостоверение. – Брэд Рейнз, ФБР.

– Доброе утро, сэр.

– Все тихо?

– Да, я на дежурстве с шести, все тихо. Мы здесь на отшибе.

– Мне нужно, чтобы какое-то время никто не мешал. Кроме Ники, никого не пускайте.

– Ясно.

Он перешагнул через желтую ленту и зашагал к сараю.

«Наверное, – размышлял Брэд, – скрип моих ботинок по гравию напоминает звуки, которые слышал убийца, проделывая тот же путь. Но с ним была Кэролайн. Вопрос: она шла по своей воле? Или он нес ее? На теле не осталось никаких волокон, указывающих на одежду. И на запястьях нет царапин – значит, девушка не сопротивлялась. Да, она находилась под действием наркотика, но достаточно ли его было для такой уступчивости?

«Что ты им говоришь? Как добиваешься повиновения?»

Помещение выглядело таким же, каким он оставил его вчера. Только тела не было – вместо него виднелся обведенный мелом контур на стене.

Брэд подтащил к столу единственный стул, извлек из чемоданчика несколько книг по психиатрии, ноутбук, сверло. На стене укрепил фотографии жертв. Снимок Кэролайн – на том месте, где было тело, а вокруг развесил еще с десяток, выделив цветом их ангельские лица, и продырявил ноги на фото.

Дрель вернулась на стол.

На другой стене Брэд переписал новым куском мела послание Коллекционера Невест:

Прекрасный рай патерян
Туда где разум торжествует
Пришел я и она змеиную главу снесла
Искал я и нашел седьмую
Да упокоится она в гнезде змеином
И вновь я аживу.

Брэд положил мелок на стол, отступил на шаг, мягко прижал сцепленные ладони к подбородку и всмотрелся в созданное им визуальное изображение деятельности Коллекционера Невест.

Сарай, женщина, сверло, послание.

Что же заставило преступника в первый раз взять сверло, вонзить его в плоть, услышать, как оно дробит кости?

Брэд глубоко вздохнул и задумался. Крыша поскрипывала на палящем солнце. Он заставил себя поглубже погрузиться в произошедшее, чтобы неторопливо извлечь истину из того, что еще не поддалось глазу. Из собственного сознания.

На мгновение Брэд почувствовал, что становится подобием, пусть слабым, Коллекционера Невест. По крайней мере шаг за шагом влезает в его шкуру.

– Я психопат, – громко прошептал он. – Об этом никто не знает. Почему?

– Потому что выглядишь нормальным человеком, – послышался из-за спины негромкий голос Ники.

Она пришла раньше, чем планировала.

– Доброе утро, Ники, – не оборачиваясь, проговорил Брэд.

– Доброе. Как спалось?

– Неважно.

– Мне тоже.

Вообще-то ему хотелось побыть одному, но присутствие Ники успокаивало.

– Я выбираю красивых женщин, – заговорил Брэд, входя в роль убийцы. – Скажи почему? Только сразу, не задумываясь.

Она подошла поближе.

– Потому что ревнуешь.

– Стало быть, убиваю из ревности. С чего бы это?

– Потому что тебя заставили считать себя уродом.

– Если, убивая красивых женщин, я начинаю лучше о себе думать, откуда надругательство над их телами?

Ники задумалась. Она первой начала использовать технику быстрых ответов, извлекая из сознания испытуемого мысли, которые порой выступают на поверхность в форме подавленной речи.

– Ты оставляешь им красоту, но отнимаешь душу.

– А зачем мне их души?

– Чтобы сделать себя внутренне красивым.

– Зачем я проливаю их кровь?

– Потому что кровь – это их жизненная сила. Душа.

– Нет, я забираю кровь, чтобы сделать их красивыми, – возразил Брэд.

Снова наступило молчание. Брэд почувствовал, как по спине стекает струйка пота. Пока сплошные гадания.

Теперь Ники взяла на себя роль следователя.

– Зачем ты сверлишь им пятки?

– Потому что это низшая точка тела. Она почти не видна, и их красота остается нетронутой.

– Зачем тебе нужно убивать семь красивых женщин?

– Потому что «семь» – число совершенства. Цифра Бога.

– Ты боишься Бога?

– Да.

– Ты верующий?

– Глубоко верующий.

– Католик?

– Нет.

– Протестант?

- Нет.
- Как так?
- Все они лжецы, не способные жить той жизнью, которую проповедуют другим.
- А сам ты живешь по правде?
- На сто процентов. Это и отличает меня от других. Потому я и убиваю – чтобы сохранить верность себе.
- Почему семь женщин?
- Я уже сказал – это знак совершенства. Возвращение к пройденному ведет к интеллектуальной честности, в ней зеркально отражается нормальная технология допроса. Помогает обоим.
- Ладно, поговорим о том, как ты выбираешь свои жертвы. Почему...
- Они не жертвы.
- А кто?
- Я не делаю им больно.
- Ники помолчала. Видимо, он не ответил на вопрос.
- Почему рай потерян?
- Не рай, а красота рая. Попрана невинность.
- Где сосредоточен ум?
- В сознании. Невинность потеряна в сознании.
- Ты змей?
- Нет.
- Кто разmozжил змею голову?
- Она. – Брэд кивком указал на стену с фотографиями с места преступления.
- Она сделала тебе больно?
- Да.
- Но ты не змей. Или змей?
- Нет. Не всегда.
- Почему ты убил ее?
- Чтобы убивать дальше.
- Только Брэд не это хотел сказать. Он поднял руку, обдумывая другой ответ.
- Дальше убивать или дальше жить? – переспросила Ники. – «Да упокоится она в гнезде змеином и вновь я аживу». – процитировала она.
- Я имел в виду дальше жить.
- Оба вновь посмотрели на послание, прикрепленное к стене.
- Если в этой истории самовоплощения он играет роль змея, естественно предположить, что он способен жить как змей и продолжать убивать, – пробормотала Ники.
- Верно.
- Она внимательно посмотрела на него:
- Получается, Темпл прав: мы ищем страдающего галлюцинациями шизофреника, у которого случился нервный срыв. – Она откинула со щеки длинную прядь темных волос и задумчиво прикоснулась к подбородку. Длинные тонкие пальцы, французский маникюр...
- Ему всегда нравилось внимание Ники к несущественным на вид деталям. Она жила, во все вкладывая душу и, если честно, расходуя куда больше энергии, чем он обычно мог себе позволить. Каждый день бегала по часу, чтобы сохранять душевное равновесие. Работала не меньше чем по двенадцать часов. При этом у нее хватало энергии вести и активную ночную жизнь, если, конечно, верить слухам... А не верить им не было оснований. Их отношения неизменно оставались платоническими, хотя, случалось, Брэд об этом сожалел.
- Да, возможно, и так, – согласился он. – Впрочем, на том, что у этого человека скорее всего есть психическое расстройство, мы сошлись еще вчера вечером.

– Не мы. У меня полной уверенности нет. Душевное нездоровье нетипично для серийного убийцы, если только заболевание не связано с серьезным повреждением лобных долей, вызванным травмой головы. Обычно же почти все серийные убийцы принадлежат к среднему или еще более состоятельному классу, приятны на вид и, как правило, ясно выражают свои мысли. Почти все убивают из мести или сексуальных побуждений. В обоих случаях большинство становились жертвами жестокого обращения со стороны матери и теперь отвечают на эту жестокость, совершая ритуальный акт, дающий выход их потребности в воздаянии или возмездии. Как правило, серийных убийц формирует среда, а не психика. Душевно не уравновешенные люди ведут себя иначе.

Все это Брэд знал, но ремесло следователя заключается, в том числе, в повторении пройденного, что позволяет извлекать из него крупинцы правды.

– И все же записка указывает на манию величия, а это форма психоза.

– Верно, – кивнула Ники.

Расхаживая по помещению, Брэд покосился на сверло.

– Не похоже, что преступник убивал на сексуальной почве. Тут целый ритуал. Он лелеет свою манию величия. Он умен. Убивает так, чтобы можно было делать это и впредь, потому что ему кажется: если не продолжать спектакль, все, и он в том числе, решат, что у него нет способности играть роль, а значит, и жить.

– Точно, – подала голос Ники. – И как бы там ни было, это не роль палача или карателя. На его взгляд, он оказывает жертвам добрую услугу. Выражает свою к ним любовь.

Они помолчали.

– Итак. Надо тщательно проверить психиатрические отделения больниц в районе Четырех Углов, – заключила Ники. – А также местные поликлиники, дома призрения, тюрьмы штата, обвинительные приговоры, в которых упоминаются психические отклонения... Гора сведений.

– Фрэнк и еще шестеро агентов уже начали подъем на эту «гору». Обратимся за подкреплением в местные отделения – в Шийенне, Колорадо-Спрингс, Альбукерке. Я просил Фрэнка пошерстить сведения по серийным убийствам на предмет чего-нибудь сходного с этим посланием.

– Согласна.

– Ну а тем временем у нас имеются тайны, спрятанные здесь, на месте его «деятельности».

– Брэд изучающее обвел взглядом стены.

Ники кивнула.

– Устаете от этого?

– От работы в «поле»?

– От попыток увидеть то, что некто от нас скрывает.

«Странная манера выражаться», – подумал Брэд.

– Не могу сказать, что я предпринимаю такие попытки.

– Я вот что хочу сказать. Ведь у нас у всех есть свои тайны, верно? Мы живем каждый своей жизнью, позволяя другим увидеть только то, что хотим открыть. Годы уходят на то, чтобы узнать человека, даже в браке. Правда, тебе, Брэд, об этом ничего не известно. Она добродушно ухмыльнулась. – Да и мало ли на свете супругов, которые, прожив вместе много лет, вдруг с изумлением обнаруживают у партнера такие темные глубины, о существовании которых даже не подозревали?

– С этим не поспоришь, – отозвался Брэд.

«Как хорошо, что меня пока в эту трясику не затянуло», – подумал он.

– Классика экзистенциализма, – кивнула Ники. – В последнем жизненном итоге человек одинок. Все мы время от времени стараемся изжить свои комплексы, но так или иначе пребываем в нашем собственном замкнутом мире. Вот к этому в конце концов и приходишь. Потому-

то так много людей ищет утешения в вере. Это такой способ взаимоотношений, когда от другого не зависишь. – Она скрестила на груди руки. – Так как, Брэд? Что за тайны ты укрываешь?

Поначалу ему показалось, что он ослышался, ведь они всегда были откровенны, но никогда не навязчивы.

– Не собираюсь лезть тебе в душу, – поспешно добавила Ники. – Во всяком случае, не слишком глубоко.

Его лицо смягчилось улыбкой, и, глядя в ее теплые голубые глаза, он вдруг почувствовал, что готов рассказать все. Как легкомысленным юнцом студентом Техасского университета в Остине влюбился в теннисистку по имени Руби, когда весь мир был у их ног и все видевшие их вместе это понимали. Как мерцали ее глаза, как смех разливался во время игры на корте, как он целиком отдавал себя Руби... И как она покончила жизнь самоубийством.

От этого воспоминания в горле запершило. Три года понадобилось Брэду на то, чтобы раскрыть причины, приведшие Руби к решению расстаться с жизнью.

– Подумай об этом, Брэд, – продолжала Ники. – Убийца играет с нами. Испытывает нас. Искушает, подначивает, бросает вызов – мол, остановите меня. Моя работа состоит в том, чтобы этот вызов принять и побить преступника на его собственном поле. Раскрыть его подлинное «я». А как заставить человека раскрыть свои тайны?

Ники говорила об убийце, но в то же время и о Брэде.

Он кивнул на стену.

– Такие люди совершают свои поступки из-за боли, и какая-то, совсем-совсем небольшая, часть меня способна это понять. То есть не реакцию на боль, а саму боль. Скажем, я кого-то любил и испытал боль утраты любимой – женщины, с которой был некогда близок. Поэтому да, могу понять. – Он замолчал, не зная, что сказать дальше. Вдруг стало как-то неудобно.

Помолчав немного, Ники подошла к нему и сочувственно прикоснулась к плечу. Она выглядела смущенной, и Брэд почувствовал, что сам смущается. Ники убрала руку и повернулась к стене.

– Ты об этом раньше не говорил.

– Знаю. Но не забывай, мы сейчас касаемся самого глубинного.

Она кивнула. Повисло продолжительное молчание.

– Печально, что тебе пришлось пройти через такое, – вымолвила, наконец Ники.

– Да ладно. Всем нам приходится сталкиваться с чем-то подобным.

Брэд так не считал. Пережитая боль заставила желать смерти. Даже сейчас он в каком-то смысле вел одинокую войну со смертью. Если вдуматься, оттого-то он и поступил на службу в ФБР.

– Но ты права, – продолжал Брэд. – Раскрываясь сам, начинаешь понимать другого, хотя бы отчасти.

Она посмотрела на него и тоже удивилась его манере выражаться.

«Ну вот, – подумала она с облегчением. – Назад, на родную почву. Привычное для нас дело».

В кармане у Брэда зазвонил мобильник, и, довольный, что можно закончить разговор, он ответил.

Это был Фрэнк. Сверяя послание убийцы с информацией по психиатрическим лечебницам, его люди сделали любопытное открытие.

– Слышал когда-нибудь про Центр Благоденствия и Разума?

– Нет вроде. погоди, не отключайся. – Брэд повернулся к Ники. – Может, ты слышала?

Ники задумчиво посмотрела в потолок, затем покачала головой.

– Это частный пансион. Расположен на холмах, к югу от Боулдера. Туда принимают исключительно пациентов с психическими отклонениями и высоким ^, – пояснил Фрэнк.

Брэд посмотрел на стену. Послание. В глаза бросилась вторая строка: «Туда, где разум торжествует». Центр Благоденствия и Разума. Ники проследила за направлением его взгляда и все поняла.

– Поисковик на слово центр...

– Все ясно, Фрэнк. Продиктуй мне адрес, а сам позвони туда и скажи, что мы едем.

– Слушаю, сэр.

Брэд отключился.

– Думаешь, это... – начала Ники.

– Подсказка, – бросил Брэд. – Он хочет с нами поиграть? Что ж, сыграем.

ГЛАВА 5

По данным управления здравоохранения штата Колорадо, насчитывалось пятьдесят три официально зарегистрированных функционирующих лечебных центра для людей с психическими заболеваниями.

Центр Благоденствия и Разума фигурировал в качестве консультативного частного учреждения без права лечебной практики.

Массовое закрытие в стране психиатрических лечебниц и приютов, пришедшееся на 1960–1990 годы, наводнило улицы городов большим количеством душевнобольных, у которых не было средств оплачивать лечение. Многие из них, по некоторым подсчетам чуть ли не половина, попали в тюрьму.

Со временем число психбольниц немного увеличивалось, но система, которая бы заменила приюты, распространившиеся некогда по всей стране, так и не была создана. Брэд имел возможность убедиться в этом, работая в Майами. Поговаривали, будто скверное лечение душевнобольных было одной из немногих оставшихся в стране мрачных тайн. Никому не хотелось помещать их в дорогие лечебницы. Но никто не знал и способа эффективного лечения в иных условиях. Так не лучше ли запихнуть их всех в мешок, называемый улицами и переулками современного города?

Они оставили машину Ники у места преступления и поехали в Эльдorado-Спрингс, расположенный у подножия Скалистых гор примерно в десяти километрах к юго-западу от Боулдера.

Шоссе извивалось по холмам, поросшим невысокими дубами и низкорослыми соснами.

– Никогда здесь не бывала, – заметила Ники.

– Я тоже.

Шины закрепились по двухполосной щебеночной дороге.

– Красота, – вздохнула Ники.

– Тихо.

– Гм...

Умственное расстройство. Брэд задумался над этими словами. Тайна мозга, скрытая в складках холмов, вдали от муравейника большого города. Ничто в этом мирном пейзаже не говорило об убийце. Менее получаса назад они стояли перед стеной, где безумец распял женщину, у которой прежде просверлил подошвы и высосал кровь. А теперь едут по райской местности. От такого контраста у Брэда слабо покалывало в висках.

Пока он вел машину, Ники просматривала занесенную в ноутбук запись разговора с директором Центра Благоденствия и Разума (ЦБР) Элисон Джонсон.

– Что-то в ней странное.

– В директрисе?

– Вот наш поворот. Прямо перед деревней. – Ники посмотрела вперед. – На юг, три километра по грунтовой дороге.

Брэд притормозил, сделал поворот и направил «БМВ» вниз по петляющей щебенке.

– Совсем никого вокруг.

Думаю, в этом есть задумка. Частное заведение для семей или отдельных пациентов, которые могут позволить себе порядочные апартаменты и плату за питание. Нечто подобное имеется в Колорадо-Спрингс. Врачей и пациентов туда привлекает замечательный климат.

– Как-то связано с церковью?

– Может быть, хотя точно не скажу. Но не удивлюсь, коли так: католическая церковь издавна занимается здравоохранением.

– Странная, говоришь?

– Возможно, «странная» не то слово, – пожала плечами Ники. – Только не подумай чего дурного – она выказала полную готовность встретиться с нами. Просто голос у нее какой-то чудной.

– Может, он у них у всех такой, – сказал Брэд и тут же поправился, чтобы не показаться высокомерным: – Или не только у них, а у всех нас?

– Она сказала, центр принимает пациентов исключительно с высокой степенью умственного развития.

«Ну и что это нам дает?» – мысленно пожал плечами Брэд.

За поворотом они сразу увидели тяжелые металлические ворота с вывеской: «Центр Благоденствия и Разума». Чуть ниже нечто вроде девиза: «Жизнь никогда не мелочится».

В обе стороны от ворот возвышался забор. При виде таких заборов в голову приходит мысль о концлагерях: та же колючая проволока, те же электропровода. За забором виднелась длинная асфальтированная подъездная дорога, обрамленная с обеих сторон подстриженным газоном и стройными соснами. Брэд одобрительно усмехнулся. Центр Благоденствия и Разума вполне можно принять за высокочеловеческий курорт.

Они подъехали к пропускному пункту и предъявили свои удостоверения:

– Брэд Рейнз и Ники Холден. У нас назначена встреча с Элисон Джонсон.

Мужчина в униформе со значком представился Бобом, кивнул и пробежал глазами по длинному списку посетителей.

– Славный забор. – Брэд кивнул в сторону колючей проволоки.

– Он не такой страшный, как выглядит. – Охранник вернул Брэду удостоверение. – Колючую проволоку и камеру видеонаблюдения установили в прошлом году, после того как кто-то проник на нашу территорию и изнасиловал двух пациенток. – Он нажал на кнопку, и ворота медленно открылись. – Поедете прямо, парковка для посетителей слева. Элисон в приемной.

– Спасибо, Боб.

– Не за что. – Он сел на стул и поднял телефонную трубку – видимо, чтобы известить об их прибытии.

На столике лежал роман Брэда Мельцера.

«Да, для чтения тут полно времени», – подумал Брэд.

Они двинулись вдоль сосновой аллеи, туда, где дорожка закруглялась, обегая белый каменный фонтан. Женщина в ярко-желтом платье и широкополой шляпе подстригала кусты, вставленные в гипсовых пуделей безупречной формы; у лап самого крупного свернулись три щенка.

Женщина помахала им рукой, потом взглядела внимательнее.

– Супер... – не сдержался Брэд.

– Класс, – подтвердила Ники.

– Она?..

– Можешь не сомневаться.

Брэд поставил машину на площадке для посетителей и вышел на свежий прохладный горный воздух.

Над головой щебетали птицы. Вблизи, при ярком свете солнца, четко проступали отроги гор. Откуда-то издали донесся голос. Брэд обернулся и встретился взглядом с женщиной в желтом, которая все еще смотрела на него с нескрываемым интересом.

Наверное, она ошибочно истолковала его взгляд как приглашение к разговору, потому что быстро направилась к ним. Ники стояла чуть ближе, и женщина остановилась подле нее. На вид открытая и незащищенная, за шестьдесят, волосы седые, глаза блестящие.

Она пристально взглядела в Брэда.

– Вы великолепно сложены. Я могла бы вас вылепить, прямо здесь, в кустарнике. Попозировать мне? Как вам мои пудели? Я принялась за них сегодня с утра, потому что Сэми сказала,

что терпеть не может собак. Я-то собак люблю, и голубей тоже, на одного пуделя уходит двадцать семь голубей. Пудели не похожи на крыс, крысы быстро размножаются и грызут печенье. Мой любимый сорт – тот, что без соды.

Все это она проговорила, не переставая улыбаться.

– Спасибо, Цветик. – Из административного корпуса вышла седовласая дама лет пятидесяти с небольшим, худошавая, ладно сложенная, как большинство жителей предгорья, с пронзительными зелеными глазами и узкими запястьями, увешанными браслетами необычной формы. На ней были джинсы и белая блуза. С шеи свисали три серебряные цепи, причем одна с крестом из горного хрусталя. Одним словом, она выглядела исполненной решимости принять все, что должно достаться ей от жизни, но не выказывая этого открыто, дабы не показаться безвкусной.

– По-моему, этот добрый господин может отлично украсить нашу лужайку. Прекрасная идея. – Она понимающе посмотрела на Брэда светло-голубыми глазами и подмигнула ему. – Что скажете, мистер Рейнз? Это отнимет у вас всего полчаса, она отменно знает свое дело.

Брэд немного растерялся. Скорее всего это и есть Элисон Джонсон. Неужели она всерьез?

– Что, не получится? – усмехнулась дама. – Немного торопимся, да?

– Честно говоря, у нас действительно туговато со временем.

Директриса повернулась к Цветику, бесстрастно ожидающей вердикта.

– Очень жаль, Цветик, но он торопится. Может, по памяти сделаете?

По лицу Цветика мелькнула едва заметная усмешка. Не говоря ни слова, она круто повернулась, зашагала в сторону кустарника, шагов через десять остановилась, прикинула при помощи ладоней его рост и пропорции и быстро двинулась дальше.

– Добро пожаловать в ЦБР, – произнесла Элисон. – Позвольте проводить вас.

Элисон Джонсон произвела на Брэда впечатление человека, повидавшего на своем веку все и оставшегося бескомпромиссным и невозмутимым, – мудрая женщина, несущая бремя жизненного опыта красиво и достойно. Он сразу почувствовал к ней большое доверие, что даже обеспокоило его.

Она привела их в помещение, более напоминающее гостиную, нежели приемный покой. Овальный кофейный столик, рядом два стула с высокой спинкой и пледом на сиденьях, диван с позолоченными ручками. Кирпичная стена целиком занята потухшим камином и висящей над ним большой картиной с изображением средиземноморской деревушки. Широкие окна выходили во внутренний двор, и из них была видна лужайка с еще одним фонтаном, несколькими железными скамейками и двумя низкорослыми кленами. По лужайке бродили пациенты: кое-кто в джинсах, другие в брюках клеш, а один, кажется, то ли в ночной рубаше, то ли в толстовке.

Элисон повернулась к гостям.

– Здесь присядем или предпочитаете пройти по территории?

– Э-э... – Брэд все еще пребывал в растерянности.

– Уверяю вас, специальный агент Рейнз, они не кусаются. Мои «зверушки» редко бывают в агрессивном настроении.

– Редко?

– Да ладно вам, все мы, в конце концов, иногда срываемся.

– В таком случае мы готовы следовать за вами.

– Правильное решение. – Элисон направилась к застекленной двери. – Мы очень гордимся своим домом.

Легкий ветерок пошевелил листья мощных кленов прямо у них над головой. Вокруг царил мир и покой.

– Итак, мистер Рейнз, слушаю вас. Чем могу быть полезна?

– Это Ники...

– Да-да, судебный психиатр, вы вместе работаете. Она уже представилась. Подозреваю, мисс Холден знает о том, что у нас происходит, больше, чем другие. – Элисон помолчала. – Вы разыскиваете убийцу?

Брэд испытывал странный неуют от направленных на него взглядов. Оглядевшись, он убедился, что все пациенты на лужайке, кто стоя, кто сидя, не сводят с него глаз. Брэду показалось, что именно он и Ники сейчас экспонаты в зверинце. С точки зрения здешней клиентуры, это он вторгся в полностью упорядоченный мир.

– Да. Мы разыскиваем серийного убийцу, прозванного Коллекционером Невест. В прошлом месяце он убил четырех женщин, и у нас есть основания полагать, что его жертвами могут стать еще три. Совместно с сотрудниками психиатрических лечебниц наша группа изучила оставленное им послание, и оно-то и привело нас в ваше учреждение.

– Резиденцию, – поправила Элисон. – И прошу, пока вы здесь, не употребляйте слов «пациент» и «душевное нездоровье». Это им не нравится. – Она улыбнулась и опять подмигнула. – Посмотреть можно?

– На что?

– На записку.

Брэд поймал вопросительный взгляд Ники. Казалось, происходящее интригует ее. Или забавляет. Он извлек из кармана записку и протянул директрисе. Та прочитала ее на ходу и возвратила. Улыбка ее смягчилась, а в глазах, заметил Брэд, мелькнула искорка.

– И как же он их убивает? – поинтересовалась Элисон.

– Информацией мы еще не делились с...

– Матушкой, агент, – подсказала Элисон.

– Ладно, пусть будет так. Судя по всему, он захватывает женщин, которых находит красивыми, при этом вроде бы не прибегая к насилию, а потом дырявит им подошвы. После чего приклеивает тело к стене и оставляет истекать кровью.

– О Господи... Вот ужас. Судя по записке, это классический случай шизофрении. Почему вы решили, что у него высокий уровень интеллектуального развития?

– Хотя записка указывает на явную манию величия, – пояснила Ники, – он явно избегает типичных для подобного случая ошибок. Если бы не записка, мы бы и не подумали искать кого-то с психическим заболеванием. Как вам, наверное, известно, большинство серийных убийц душевным расстройством не страдают.

– Таким образом, если не считать слов «центр» и «разум», у вас нет оснований связывать этого человека с нашим центром, – констатировала Элисон. Она указала на овальное здание в дальнем конце лужайки. – Вот наше святилище. Игровые помещения, гостиные, телевизор, кафе – все под одной крышей. По обе стороны два крыла – одно для мужчин, другое для женщин. Мы живем по расписанию, в единой среде, чтобы не смущать гостей. Главная наша цель – способствовать их реинтеграции в общество, приучая свыкаться со своими дарованиями и встречать любые вызовы. Мир – жестокое место. Мы надеемся дать им навыки для плавания по его волнам, в том числе используя исключительность, которую даровал им Господь.

– Даровал? – переспросила Ники. – Извините за бестактность, но не кажется ли вам все это немного наивным? Большинство людей видят в психических расстройствах проклятие.

– Вот именно. Мы ухаживаем не более чем за тридцатью шестью гостями одновременно и отбираем их очень строго. Никакого криминального прошлого. Они либо их близкие должны иметь возможность оплатить пребывание здесь, питание, медицинское обслуживание. У них должен быть высокий уровень интеллектуального развития, который мы определяем сами при помощи некоторых основополагающих тестов. В настоящий момент около половины испытуемых обладают таким уровнем интеллектуального развития, который позволяет считать их гениями. Большинство наделены исключительными творческими способностями. В глазах мира они безумцы. В наших глазах – истинно одаренные индивиды. Я вас не убедила?

– Ну, если так посмотреть... – Ники наморщила лоб. – В общем, мысль ваша ясна. Но почему только интеллектуалы?

– Действительно, почему? Хороший вопрос.

Элисон сошла с дорожки и, направляясь к клену с мощным стволом, кивнула молодому человеку на скамейке. На нем была застегнутая до шеи фланелевая рубаша.

– Привет, Сэм. Как у тебя нынче утром?

– Двести семьдесят три тысячи. Плюс-минус триста.

– Отлично.

– Сегодня листьев меньше. Ветер. Да-да, все хорошо, со мной все хорошо, Элисон Джонсон.

– Да я всех бы хотела здесь видеть, не только избранных, – вздохнула Элисон. – С теми, кого считают психически ненормальными, слишком долго обращались как с отребьем. Сначала их помещали в психушки, потом в тюрьму. В пятидесятые, накачивая теразином, превращали в овощи, теперь отказывают в лечении и оставляют наедине с собой, пока они не начинают представлять опасность для окружающих. И тогда их бросают за решетку. Говорят, по меньшей мере треть нынешних заключенных – люди с так называемыми психическими расстройствами. Заметьте, я не говорю о ранних отклонениях вроде аутизма или умственной отсталости. Только о психозах, которые проявляются гораздо позднее. Распространены они довольно широко. Известно ли вам, сколько людей на земле страдает той или иной формой шизофрении?

– Примерно каждый сотый, – отозвалась Ники.

– Если точнее – семь десятых процента населения земного шара. В нашей стране той или иной формой душевного расстройства страдают около трех миллионов человек. В одном только штате Колорадо, по нашим подсчетам, проживают семьдесят тысяч нездоровых людей, которых никто не лечит. С точки зрения большинства, психотерапия слишком дорогое удовольствие, особенно учитывая, что болезнь все равно неизлечима. Можно накачивать людей депрессантами, погружать в негу, но болезнь-то никуда не денется. С таким же успехом можно ослепить зрячего или усыпить человека со сломанной ногой, чтобы не споткнулся и не упал. Короче говоря, в настоящий момент лишь сознание может вылечить сознание. Вот этим мы и занимаемся, дорогие мои фэбээровцы.

– Интеллект компенсирует заболевание, – задумчиво протянула Ники.

– Близко к тому, и все же не совсем так. Возьмите Цветик, которую вы только что видели. Ей диагностировали шизоидное расстройство с элементами как раздвоения личности, так и психопатии, а также нарушение умственного процесса – это выражается порой в бессвязном потоке мыслей, что вы имели возможность наблюдать. Бывает забавно, бывает удивительно. Будь у Цветика средний ум, ее дар, как мы предпочитаем это называть, весьма затруднил бы ей жизнь. Без таблеток и семейного ухода она могла бы кончить жизнь на улице, бездомной, как многие в таком состоянии. Но она исключительно развита интеллектуально, и сознание способно справляться с ее недюжинными дарованиями. Мы направляем Цветика, помогаем управлять своими способностями так, что она не только подчиняет их себе, но и делится с окружающими.

– Ее скульптуры в кустарнике...

– О, это лишь самый малый из ее многочисленных талантов. Таких, как она, очень много, и среди них есть фигуры мирового масштаба. Помните Джона Нэша – профессора-шизофреника из фильма «Высокий ум»? Да и у других, реальных, людей были душевные заболевания. Авраам Линкольн, Вирджиния Вулф, Людвиг ван Бетховен, Лев Толстой, Исаак Ньютон, Эрнест Хемингуэй, Чарлз Диккенс... В Центре Благоденствия и Разума мы создаем среду, позволяющую джонам нэшам всего мира становиться самими собой. Терпимость, душевное участие и тщательно дозированное медикаментозное лечение при исключительно индивидуальном подходе.

Брэд еще раз внимательно огляделся. Все казалось слишком прекрасным, чтобы быть правдой.

– Насколько я понимаю, здесь когда-то был женский монастырь, – сказала Ники. – Вы по-прежнему как-то связаны с церковью?

– С церковью? Да, нас до некоторой степени субсидирует католическая церковь, если вы это имеете в виду. Но формально мы ни с какой организацией не связаны. Центр – частная собственность. Он был основан преуспевающим бизнесменом Муртоном Андерсоном. Его сын Итан оказался в тюрьме после пережитого в двадцатилетнем возрасте нервного срыва, в результате которого он ворвался в дом конгрессмена и надел платье его жены. Его обнаружили поглощающим в одиночестве ужин при свечах, переодетым в женщину. А ведь он диплом с отличием Колорадского университета готовился получить. Как говорится, между гением и безумием граница почти неразличима.

– А по-вашему, в иных случаях ее нет вообще, – заметил Брэд.

– Конечно. К несчастью, мир забрал некоторые величайшие умы, что даровал нам Всевышний, и поместил их в камеру. Обычным людям блестящие дарования кажутся странными. Гении почти всегда изгои. На спортивной площадке умного загоняют в угол. Они видят мир не таким, как другие, и потому их хотят поставить по струнке. В лучшем случае почти все из них оказываются в одиночестве, в худшем – под замком. Такова природа человека – он поощряет статус-кво и преследует тех, кто видит жизнь иначе.

Элисон села на скамью и сложила руки на коленях.

– Могу добавить, что некоторые из наших сотрудниц, в том числе и я, раньше были монахинями. Ну а теперь вернемся к вашему убийце. Чем могу быть полезна?

Брэд опустился на скамью рядом с Элисон, предоставив Ники обозревать обитателей центра. Тем, похоже, наскучили гости, и они вернулись к своим прежним занятиям. Мужчина в голубом полосатом купальном халате играл в нечто вроде детских «классиков», восклицая при каждом прыжке: «Хап! Хоп! Хап! Хоп!» Вдруг он перестал прыгать и указал пальцем на небо:

– И вот что я скажу тебе, несчастный недоумок! Я знаю, когда небо падает на землю, и знаю, как высоко я могу подпрыгнуть!

Ники вспомнила его голос: они слышали его, остановившись на парковке.

– Поскольку мы имеем дело с интеллектуально развитым и психически нездоровым серийным убийцей, – заговорил Брэд, – а также учитывая его лексику, мы не можем исключить, что он каким-то образом связан с вашим центром.

– Иными словами, вы ищете человека, который, возможно, пребывал здесь, а затем отправился вершить свои страшные дела.

– Примерно так.

– Психопат, страдающий манией величия. Некто со склонностью к насилию, верно?

– Да.

Элисон нахмурилась. Брэд заметил, что, даже хмурясь, она словно не перестает улыбаться.

– За последние семь лет здесь столько людей побывало. Сотни. Большинство остаются на полгода, некоторые – дольше. Немало и тех, кто находится тут с открытия центра. И лишь семь-восемь человек, по моим наблюдениям, когда-либо выказывали склонность к насилию.

– А как насчет тех, кто, возможно, обнаруживал признаки рецидива? – спросила Ники.

– Вот-вот. Проверка у нас, естественно, дело добровольное, а болезнь тем временем может развиваться. Трудно что-либо предсказать без... – она прищурилась и повернулась к Брэду, глаза ее сияли, – расследовательской работы, а? Думаю, вам небезынтересно будет познакомиться с Рауди.

– С кем, извините? Рауди?

Элисон встала. Она была явно довольна пришедшей ей в голову мыслью.

– Ну конечно! Рауди – один из наших обитателей. Настоящий детектив. И он здесь с самого начала. Помнит все и обо всех когда-либо входивших в эти ворота.

Ники поймала взгляд напарника и кивнула:

– Что же, звучит многообещающе.

Брэд не был так уверен, ведь Элисон явно хотела извлечь психотерапевтическую выгоду для своих подопечных, а не заняться раскрытием преступления. Но вреда от такого знакомства он тоже не видел.

– Или даже лучше – познакомлю вас с Райской Птичкой, – продолжила Элисон, увлеченная таким поворотом дела.

– Райской Птичкой?

– Ну да. Если повезет, она может даже поговорить с вами. О, друзья мои, это случай особый. Она видит то, что мало кто замечает. – Элисон направилась в сторону овального здания, то и дело оборачиваясь по дороге. – Они вам понравятся, обещаю. Только не говорите, что я не предупреждала.

ГЛАВА 6

Святылище, как аттестовала Элисон помещение, где собирались обитатели центра, представляло собой нечто вроде атриума с диванами, мягкими стульями, автоматами с бутербродами и закусками, натюрмортами на одной стене и двумя плоскими плазменными телевизорами. По периметру большого зала были расставлены круглые столы с деревянными стульями вокруг них. Завершали обстановку большой газовый камин, никогда, по словам Элисон, по настоящему не нагревавшийся, и две полки с закусками.

В дальнем углу знак над арочной дверью указывал, что рядом расположено кафе. Напротив начинался коридор, ведущий в противоположный конец здания. Прилегающий к нему блестящий на солнце пруд с рыбами был для безопасности обитателей центра огорожен.

В большой комнате собралось человек десять – кто слонялся возле столов, кто стоял около телевизоров (на обоих показывали повторы «Я люблю Люси»), кто разглядывал содержимое полок с едой. При появлении Брэда и Ники половина обернулись, остальные были слишком погружены в себя, чтобы обращать на них внимание.

– Друзья, поприветствуйте наших гостей, – окликнула их Элисон.

Все как один явно отрепетированным образом, выдохнули:

– Приветствуем вас, гости.

Склонившийся над шахматной доской чернокожий мужчина, статью превосходящий большинство футболистов, проговорил из-за стола:

– Приветствую вас, гости. – Голос его пророкотал, как аккорд бас-гитары.

Кое-кто захихикал.

– Пора, Голиаф, – проговорил худощавый мужчина, стоящий у телевизора. – Пора. Гостей следует приветствовать через три с половиной секунды после того, как они захотят, чтобы их приветствовали.

– Довольно, Ник, – оборвала его Элисон. – Вы ведь не считаете Голиафа глупцом, верно?

– А я и не назвал его глупцом.

– Желаете реванш?

Тот молчал.

– Нет, он кое-что умеет, – заметил Голиаф и широко улыбнулся. – И все же я тебя прибил, Ник. Ты считался здесь лучшим, а я побил тебя десять раз подряд.

Какая-то женщина зашлась хохотом, и Ник круто повернулся к экрану, словно беспокоился узнать, что он пропустил. Голиаф снова склонился над доской и двинул вперед пешку.

– Никто не видел Рауди или Райскую Птичку? – спросила Элисон.

– Рауди у себя в кабинете, – ответил кто-то.

Элисон провела гостей через комнату к коридору. Пожилая женщина, темные волосы которой выглядели так, словно ночью крысы устроили там себе нору, проводила Брэда внимательным взглядом.

Брэд, постоянно чувствовавший неловкость, наконец сообразил, что смущало его здесь. Самое необычное заключалось в том, что обитатели центра на вид не отличались ничем удивительным. Любой прикасался к хорошо знакомой струне собственного сознания, и она отзывалась бесчисленным множеством привычных звуков. Можно назвать их ребячливыми, шумными, причудливыми, несносными или придумать еще сотню определений, но ведь с таким же успехом все это можно в той или иной мере сказать о нем самом.

– Хорошо играет? – спросил Брэд.

– Кто, Голиаф? Экстра-класс. Как правило, сидит за доской по десять часов в день. Наша задача помочь ему применить свои способности в других областях.

– Ну и как, получается?

– Он общается с людьми из лаборатории, где ведутся онкологические исследования. – Элисон усмехнулась. – Выясняется, что кое-какие области медицины имеют нечто общее с шахматами.

– А где все ваши сотрудники? – поинтересовалась Ники.

– Да везде. Они как бы растворены среди наших обитателей. Ну вот мы и пришли.

Они оказались в небольшой классной комнате с белой доской на стене и десятью столами. У окна с видом на фонтан стоял диван. На диване развалился пожилой мужчина в темном шелковом купальном халате и пушистых белых тапочках. Вдоль доски, покусывая ногти, расхаживала молодая, не старше двадцати, блондинка. За учительским столом сидел, откинувшись на спинку стула, мужчина с козлиной бородкой, в бриджах и галстук-бабочке.

Собравшиеся явно не ожидали постороннего вторжения. На мгновение все трое вперились глазами в Элисон и ее спутников так, словно перед ними космические пришельцы. Мужчины медленно распрямились. Девушка заулыбалась.

– Привет, друзья, – доброжелательно произнесла Элисон. – Позвольте представить вам наших гостей.

– Привет, гости.

– Им от нас что-нибудь нужно? – Тот, что сидел за учительским столом, подергал себя за бородку.

– Да, Рауди, можно сказать и так. Они хотят потолковать с вами.

– Правда? Ну да, конечно, конечно. Слышал, Касс? Они пришли потолковать со мной.

Касс, мужчина в шелковом купальном халате, встал, одернул халат и посмотрел на Ники.

– Ну ей-то интереснее меня послушать. – Он сделал шаг вперед, поедая Ники глазами, округлив брови и криво ухмыляясь.

– Ты здесь ни при чем, Касс, – укоризненно покачал головой Рауди. – Посторонись. И веди себя прилично. О чем? Потолковать со мной о чем? Говорите, этот благородный господин и дама – из Федерального бюро расследований?

Девушка захихикала и тут же поднесла ладонь ко рту, приглушая звук.

– Меня зовут Андреа, – любезно представилась она.

– А мы все называем ее Мозги, – пояснил Рауди. – Однако вряд ли это имеет значение для вас, верно? Вы пришли потолковать со мной, и уж мне решать, достаточно ли вы меня заинтересуете, чтобы предложить вам содействие.

– Эй, Шерлок, в чем дело? – Элисон вмешалась в разговор так, словно происходящее доставляло ей немалое удовольствие. – Вы мне больше не доверяете? Если бы я не считала, что они могут оказаться вам интересны, разве привела бы их сюда?

– Ваша правда. Я доверяю вам, мадам. И они мне интересны. – Рауди потеревил бабочку. – Это была просто фигура речи, отвлечение, тактический ход, заставляющий их насторожиться, пока я прикидываю, верно ли мое предположение. Как, по-вашему, верно?

Брэд не без труда подавил улыбку.

– Как вы догадались?

– Ага! – Рауди щелкнул пальцами. – Так и знал! Снова я понадобился ФБР. Как не догадаться? Вы ведь каждый день приходите узнать мое мнение. Неужели мы, британцы, настолько умны? А американцам чего-то не хватает и приходится просить у нас помощи?

Мужчину в шелковом халате интересовала только Ники, и пока Рауди произносил свою речь, он подошел к ней вплотную, взял за руку и, не спуская с нее глаз, вежливо поднес к губам.

– Меня зовут Энрико Бартоломью. – Здесь меня называют Казановой. Слышали про такого?

– Касс – юбочник, – иронически заметила Андреа. Она нервно переминалась и слегка раскачивалась, словно ей не терпелось в туалет.

«Ее прозвали Мозгами. Эрудитка?» – размышлял Брэд.

Не выпуская руки Ники, Энрико повернулся к Андреа:

– Только не надо делать вид, Мозги, что это не я сделал тебя женщиной. – Он повернулся к Ники и одарил ее еще более обольстительной улыбкой. – Ты очень симпатичная.

Повисло неловкое молчание.

Брэд улыбнулся, отдавая Ники должное: при случае она одним взглядом умела одернуть наглеца либо заполнить неловкую паузу.

– Они ко мне пришли, Энрико, – резко бросил Рауди.

– А кто учил тебя: чтобы вызвать доверие, надо как следует одеться? Разве не я? Смотри, кто к ужину пришел.

Он снова прикоснулся губами к ладони Ники, отступил на шаг и подмигнул ей. Брэд удивился, что она не остановила наглеца. Видно, интерес к новому объекту психологических исследований пересилил страх перед микробами.

– Кто пришел к ужину? – раздраженно повторил Рауди. – Да они каждую неделю приходят, идиот ты этакий.

– Меня называют Мозгами, – встряла в разговор погруженная в собственный мир Андреа. Она не сводила глаз с Брэда и по-прежнему играла роль пай-девочки. – Полагаю, мне надо принять душ.

Все заговорили, перебивая друг друга. А потом пар, похоже, вышел.

– Райскую Птичку никто не видел? – спросила Элисон.

Все дружно покачали головами.

– Ну а у вас-то все как будто хорошо? – Она кивнула в сторону Брэда. – Это специальный агент Брэд Рейнз и его напарница мисс Холден. Оставляю вас с ними наедине. Рауди, прошу, окажите им всяческую помощь. Мистер Рейнз и мисс Холден действительно из ФБР, и им надо посоветоваться по поводу одного дела, которое они сейчас расследуют.

– Дело! Великолепно! – Рауди быстро заходил по комнате. – Вы попали по адресу, уверяю вас.

К глазам Андреа подступили слезы. Казалось, она вот-вот потеряет самообладание. Первая встреча оказалась столь стремительной, что Брэд просто не успел оценить ее неброскую красоту. Со второго взгляда все встало на свои места. Он отметил грамотный макияж и аккуратную прическу.

– Все в порядке, Андреа, – успокоила ее Элисон.

Взгляд девушки метнулся в сторону пустого угла.

– А Бетти говорит не так.

– Бетти ошибается. Послушайте лучше Брэда. – Она погладила его по руке. – У Брэда доброе сердце.

Андреа бросила на него беглый взгляд и шмыгнула носом.

– Слуховые галлюцинации. – Элисон прошептала эти слова так тихо, что Брэд едва уловил их. – Суть в том, что Андреа слышит голоса. И один из них только что сказал ей то, отчего она расплакалась. Когда закончите, найдете меня в приемном покое. Можете не торопиться. – Директриса с улыбкой покинула класс.

Брэд глубоко вздохнул. Происходящее представлялось ему довольно нереальным, хотя и захватывающим. Он даже на время забыл, зачем они здесь.

– Теперь я в полном вашем распоряжении. – Рауди, он же Шерлок, шагнул вперед и протянул руку.

– Спасибо, Рауди. – Брэд ответил на рукопожатие. – Вообще-то я не прочь, чтобы вы все трое помогли нам.

Рауди, то ли возмущенный, то ли задетый за живое, оглядел остальных.

– Естественно, вы будете главным, – заверил его Брэд. – Но для начала хотелось бы побольше узнать о своих будущих работниках. Не возражаете, если мы зададим несколько вопросов?

– А платить будете?

– Разумеется.

Рауди назидательно вытянул палец.

– Они люди деловые, свою выгоду знают. Моя ставка – тысяча двести долларов в час.

– Но ведь это всего одиннадцать центов, – подала голос Андреа.

Все, кроме Энрико, который по-прежнему разглядывал Ники с двусмысленной улыбкой, повернулись к ней.

– В секунду, – пояснила Андреа извиняющимся тоном. – Тридцать три цента в минуту разделить на три. По выходе отсюда я хочу купить новую машину и красивое платье в придачу.

– Лицо ее сморщилось, и из правого глаза выкатилась слеза. Она всхлипнула и стерла влагу со щеки. – Извините, извините, извините...

– Да что там...

– Чушь! – вскричала Андреа. И снова перешла на полусшепот: – Извините, извините, извините. Пожалуй, я для начала душ приму.

– Веди себя прилично, Мозги. Меня назначили старшим, и я не потерплю таких сцен. – Рауди вздохнул. – Ладно, поделимся. Тысяча двести долларов на троих.

Они так быстро меняли позицию, так стремительно двигались в новом направлении, чувства так резко отражались на их лицах, что Брэд не поспевал за этим калейдоскопом эмоций и действий.

Пусть по-детски, но каждый из них обладал способностями, которые заставляли его ощущать свою неполноценность.

«И впрямь похожи на гениев. Голова кругом идет».

– Боюсь, нам нечего предложить вам, кроме благодарности, – отозвался наконец Брэд.

Похоже, и Рауди, и Андреа были поражены. Даже Энрико повернулся.

– Но вам это зачтется. Ведь вы поможете нам спасти жизнь очередным жертвам Коллекционера Невест.

– Коллекционера Невест? – Рауди шагнул вперед. Теперь он был весь внимание. – Расскажите нам все, что знаете. Это кто, серийный убийца?

– Сначала вопросы зададим мы. – Брэд поднял руки вверх. – Так будет справедливо, согласны?

Взгляд Андреа метнулся куда-то за спину Брэда. Он непроизвольно оглянулся.

На пороге стояла молодая хрупкая шатенка лет двадцати пяти. Черты лица четко очерчены – маленький нос, мягкие пухлые губы, светло-карие, блестящие, полные жизни глаза.

Брэд невольно потупился. Женщина невысока ростом, одета в потертую синюю фуфайку «Найк». Джинсы обрезаны на пару сантиметров выше старых парусиновых теннисных туфель белого цвета.

Она стояла, опустив руки по швам, с видом невозмутимым, но неуверенным, так, словно ее сильным порывом ветра может снести. Кожа на руках бледная, ногти на большинстве пальцев Брэду были не видны, но на больших обгрызаны. В отличие от Андреа она вообще не пользовалась косметикой, даже несколько красных пятен на лбу – следы от угрей – не были припудрены.

Испытующий взгляд новоприбывшей пронизывал насквозь. Выглядела она бесстрастно, словно не могла решить, как отнестись к присутствию гостей.

– Это Райская Птичка, – объявил Рауди.

– Означает ли это, что нам придется делиться и с ней? – недовольно спросила Андреа. – Получается всего лишь восемь и три десятых цента в секунду.

– Мы тут собираемся помочь ФБР расколоть одно дело, – пояснил Рауди. – А Райская Птичка хорошо разбирается в мертвецах.

Бред затруднился бы сказать, что заставило его пульс биться чаще: слова Элисон про Райскую Птичку или то, как молодая женщина на него посмотрела, – но в любом случае он поймал тебя на том, что не может оторвать от нее глаз. Райская Птичка.

Она отвернулась, подошла к Андреа и опять нерешительно взглянула на Брэда. А он не мог отделаться от мысли, что провалился в заячью нору и очутился в Стране Чудес, у Алисы. Утверждения директрисы, будто все это исключительно развитые индивиды, сбило его с толку. Если услышать этот странный разговор на улице, любой прохожий решил бы, что все четверо просто чокнутые.

«Впрочем, так оно и есть, – напомнил он себе с убежденностью, неприятной ему самому. Налицо классические симптомы шизофрении: паранойя, галлюцинации, зрительные и слуховые, голоса и угрозы. Упорное стремление Андреа встать под душ, мания величия у Рауди и Казановы...»

– Полагаю, Элисон не против, чтобы вы присоединились к нам, – сказала Ники. – Спасибо, что пришли. Какое у вас чудное имя. А меня зовите просто Ники.

Райская Птичка промолчала.

Бреду сразу стало ясно, что эта невзрачная копия Андреа, должно быть, вполне уютно чувствует себя в собственной скорлупе, но испытывает неловкость, когда ее оценивают со стороны. При внешнем спокойствии от молодой женщины исходили волны незащитности подобно жару в пустыне.

– Привет, Птичка, – кивнул он и повернулся к остальным: – Что ж, начнем. Расскажите о себе. О своих... дарованиях.

– Ах вот оно что, вот оно что, – затараторил Рауди. – Вы хотите знать, что нас делает чокнутыми, не так ли?

– Вовсе нет, – шагнула вперед Ники. Чувствовала она себя в этой компании вполне непринужденно. – Мы знаем, у вас чрезвычайно высокий ^ . И все вы одарены редкими способностями. Или директриса заблуждается на ваш счет?

Присутствующие внимательно посмотрели на Ники, словно убеждаясь в серьезности ее слов. Решив, что так оно и есть, все, кроме Райской Птички, заговорили в голос, перебивая друг друга.

Ники улыбнулась и подняла руки.

– Начнем с вас, Рауди.

– Естественно. – Он покосился на опоздавшую. – Директриса назначила меня старшим, Птичка. – Та промолчала, и он продолжил: – Рост у меня метр семьдесят семь сантиметров, мне сорок лет, и в этом закрытом учреждении я нахожусь семь лет. Кто-то называет меня холериком, и верно, по природе я лидер, но главные мои достоинства лежат в иной сфере. Это перцепция и дедукция. Большинство обычных дел, по поводу которых со мной регулярно консультируется ФБР, решаются легко, достаточно применить алгоритм, помогающий выделить ключевые улики. Еще я участвую в нескольких крупных операциях, раскрывать суть которых не имею права.

Он замолчал и поправил сбившуюся набок бабочку. Брюки у него были коротковаты и обнажали черные кожаные туфли, в которых не хватало одного шнурка. В своей мании величия образцом он явно выбрал Шерлока Холмса, хотя Бреду трудно было представить его расхаживающим с увеличительным стеклом и трубкой.

– Спасибо, Рауди. – Ники перевела взгляд на Казанову.

Не ожидая дальнейших поощрений, тот заговорил:

– Меня зовут Энрико Бартоломью, тридцать два года...

– Тридцать восемь, – перебил его Рауди.

– Или тридцать семь, точно не помню, – не смутившись, продолжал Энрико. – Меня называют шизофреником, но я не устаю напоминать, что все воины и любовники – шизофреники. Элисон говорит, не все женщины способны оценить по достоинству опытного, бесстрашного любовника. Но по-моему, она не права. Вот вы, например, Ники, что скажете? – Он лукаво улыбнулся.

«Интересно, от скольких женщин получал Бартоломео пощечины за последнее время?» – хмыкнул про себя Брэд.

– Затрудняюсь ответить, Энрико. Могу сказать лишь, что мне интересны мужчины одновременно сильные и добрые.

– Касс пытался назначить свидание жене президента, когда она приезжала в Денвер, – с хитрой усмешкой заметила Андреа. – Его посадили в тюрьму.

– Не слишком умной она оказалась, – улыбнулся Энрике. – Ее и женщиной-то назвать трудно. Не знаю, что я в ней нашел. Как вы сегодня вечером, свободны?

– Увы, занята. Но все равно спасибо, что спросили. Теперь ваша очередь, Андреа.

– Мне девятнадцать. Сюда попала год назад. Маниакальная депрессия. Биполярная. ННС – невроз навязчивых состояний. Вундеркинд-эрудит. Но последнее не совсем так.

– Чушь, – перебил ее Рауди. – Она у нас самая яркая. Следить за своей внешностью еще не значит быть идиотом.

Андреа виновато улыбнулась и пошевелила пальцами. Ногти у нее были выкрашены в зеленый цвет.

– Да, мне нравится... ухаживать за собой.

– Вам нравится принимать душ.

– Бывает.

– Как часто?

– Сегодня?

– Ну да, – улыбнулась Ники.

– Дважды.

«Сейчас десять утра», – отметила мысленно Ники.

– И каждый раз вы красите ногти и волосы?

– Да.

– Она у нас чистюля и мудрая как змий, – опять встрял Рауди. – Самая мудрая из моих информаторов.

Брэд посмотрел на Райскую Птичку. Казалось, ей нравится слушать чужой разговор, не высказывая своего мнения.

– А вы что скажете, Птичка?

Она огляделась, потом остановила взгляд на Брэде. Не поймешь, то ли она неловкость испытывает, то ли неудовольствие.

– Э-э... А что, собственно, тут происходит?

– Извините, не представился. Брэд Рейнз, ФБР. А это Ники Холден, наш судебный психолог. Мы здесь на предмет получения какой-либо информации об убийце по прозвищу Коллекционер Невест.

– Никогда о таком не слышала, – пожала плечами Райская Птичка. – Не знаю человека с таким именем.

– Это прозвище мы ему дали.

– Нужны подробности. – Рауди вновь начал мерить шагами комнату. – Чтобы помочь вам, мне надо знать все, что знаете вы. Размер обуви.

Брэд решил подыграть ему.

– Одиннадцатый.

– Ясно. Примерный рост?

– Сто девяносто – двести.

– Секретор?³

– Нет. Никаких телесных выделений не обнаружено ни на одном месте преступления. Ни волос, ни кожных тканей, ни отпечатков пальцев.

– Дело у вас с собой? – Роуди протянул руку.

– Нет.

– А Птичка так ничего про себя и не рассказала, – напомнила Андреа.

– Нет с собой дела? Так какой же помощи вы от меня ждете? – возмутился Рауди.

– А что он делает с женщинами? – спросил Энрико.

– Убивает. – Брэд посмотрел куда-то между ними. – Делает им макияж, чтобы выглядели красивее, а затем убивает и приклеивает тело к стене.

Наступило общее молчание.

Лицо у Андреа перекошилось, и она разрыдалась, прижав ладони к глазам.

– Какой ужас! Ужас, ужас...

– Да, страшное дело. Скажите, а никто из вас не знает или не знал обитателя этого центра, который подходит под данное описание? Рауди, директриса утверждает, вы помните всех, кто когда-либо жил здесь.

– Мне надо принять душ, – заявила Андреа. – Все тело зудит. Одиннадцатый размер, рост метр восемьдесят два. Большие руки, такими нетрудно шею сломать. Нет, таких не принимают. Говорите, он косметикой пользуется?

Брэд поколебался.

– Да.

Андреа снова заплакала, размазывая по лицу грим.

– Все в порядке, Дри, – впервые заговорила Райская Птичка. Голос у нее оказался приятный, негромкий, но уверенный и властный. – Здесь нам ничто не угрожает. Здесь мы дома. У нас есть охранники и мисс Элисон. Да и Рауди с Энрико не позволят, чтобы с нами что-нибудь случилось, верно?

– Ни за что, – подтвердил Рауди.

Энрико нахмурился.

Андреа подошла к Райской Птичке. Та взяла ее за руку и потрепала девушку по плечу.

– Не позволяй им пугать себя. Представь, что это просто литература.

– Птичка пишет романы, – пояснил Рауди. – Однако же должен сказать, при всем желании не могу припомнить никого здесь, кто подходил бы под ваше описание. Если вы, конечно, говорите о некой личности, демонстрирующей склонность к такого рода насилию. Тем не менее, если бы вы мне дали посмотреть дело, я почти наверняка пролил на ситуацию хоть какой-то свет.

– Вы уверены, что заняты сегодня вечером? – Энрико посмотрел на Ники.

– Да. Но еще раз спасибо, – улыбнулась она.

Брэд сделал глубокий вдох и внезапно ощутил быстротечность времени. Серийный убийца неумолимо кружит поблизости, подбираясь к очередной жертве, а ему приходится часами сидеть в компании душевнобольных. Ему стало ослепительно ясно, что сколь бы неординарны и одаренны ни были Рауди и его друзья, помочь остановить убийцу они не в состоянии.

– Райская Птичка так ничего про себя и не рассказала, – повторила Андреа.

Брэд кивнул, соображая, как побыстрее отсюда уйти. Но Андреа была преисполнена решимости.

³ Человек, у которого в слюне и других биологических жидкостях содержатся следы растворимых в воде А-, В- и О-агглютиногенов (Медицинский словарь).

– Она права. Почему бы вам не рассказать о себе, Райская Птичка? – предложил он. Та вспыхнула:

– Вряд ли я чем-нибудь могу быть вам полезна.

– Она видит мертвецов, – сказал Рауди.

«Психопатические галлюцинации», – подумал Брэд.

Птичка даже не попыталась возразить.

– И духов, – добавила Андреа.

– Вы хотите сказать, призраков?

– Что-то в этом роде. – Андреа пожала плечами. – Стоит ей прикоснуться к телу убитой, и она будет знать, кто убил. Разве не так, Птичка?

– Сомневаюсь. И хватит болтать, Дри.

– Но ведь это правда.

– А вы давно здесь, Птичка?

– Семь лет. Мне тогда было девятнадцать.

Чем-то эта девушка отличалась от остальных обитателей. Кажется, он нашел ответ: как истинная женщина, Птичка не раскрывает своих тайн.

– И вам ничего не припоминается, когда я описываю убийцу? Может, видели кого-то похожего?

Она на секунду задумалась.

– Нет.

Андреа выглядела недовольной.

– Птичка не доверяет мужчинам. Ее однажды обидели. – Она снова заплакала, и Райская Птичка принялась ее утешать.

«Каково быть на месте этих двоих? – вдруг подумалось Брэду. – Каково это – жить рядом с ними?»

Последние десять лет он провел, оплакивая утрату Руби, этого ангела, посланного с небес. Ее оторвали от него, и он буквально рассыпался на куски. Все эти годы искал Руби замену.

Разумеется, его боль несравнима с той тайной болью, что испытывает Райская Птичка. Что привело ее сюда, в это пристанище отверженных? Кто любил эту несчастную женщину? Какие надежды ведут ее по жизни?

Он испытал прилив сострадания, смешанного с острым чувством стыда. По сравнению с этой женщиной у него – царская жизнь. И все же он проводит ее в одиночестве и тоске. Жалея себя.

Нахлынувшее чувство было таким сильным, что Брэд даже испугался, как бы другие не заметили, при всех его стараниях оставаться хладнокровным. Он отвернулся.

Ники взяла инициативу в свои руки.

– Кое-кто утверждает, что людей можно чувствовать, подзаряжаться их... энергией, даже после того как тех не стало. Может, это ваш случай, Птичка?

– Трудно сказать, как мне все открывается. Просто открывается. Врачи говорят, это зрительные галлюцинации, психоз, шизофрения. Я вижу нечто и не могу сказать, что это – память или игра воображения.

– Именно так врачи и должны говорить. Но вы-то с ними не согласны?

– Повторю: ничего не могу сказать. Вижу – и все.

– Вы принимаете лекарства?

– Нет.

– А я – да, – встряла Андреа. Ее хорошенькое личико снова исказилось. Казалось, слезы вот-вот в очередной раз заструятся по щекам.

– У нее только что закончился недолгий период депрессии, – пояснила Птичка без тени скуки или пренебрежения и, повернувшись к Андреа, спросила с искренним участием: – Хочешь принять душ?

– Должна. Мне надо идти. Извините. Извините, извините. – Она поспешно вышла из комнаты, позволив себе под конец разрыдаться по-настоящему.

– Как это понять: мы что, не получим свои тысячу двести долларов? – спросил Рауди. – Дайте посмотреть дело и выложите все известные вам факты. И поверьте, это будут самые дешевые для ФБР тысяча двести долларов за всю его историю.

– Что же касается вас, миледи, – подхватил Энрико, – добро пожаловать в любое время. Буду вас ждать и покажу вам небеса.

Ники взяла Брэда под руку.

– Но у меня уже есть любовник. Тем не менее очень любезно с вашей стороны.

Энрико демонстрировал полную невозмутимость и продолжал ухмыляться. Брэду захотелось исподтишка показать этому непробиваемому нахалу кукиш.

Он перевел взгляд на Птичку и увидел, что та не сводит с него глаз. В выражении этих манящих глаз крылась какая-то тайна, словно Птичка сама была одним из призраков, которые ей якобы являются.

«О чем она думает?»

Ники извинилась перед присутствующими – спешим, мол, – и они с Брэдом направились в приемный покой, где и нашли Элисон. Та уже приготовила список обитателей центра за все семь лет его существования, вместе с диагнозами, описанием терапевтических средств и предполагаемыми сроками пребывания.

– Ну как там наша исследовательская группа, чем-нибудь помогла?

– Это было весьма поучительно, – откликнулся Брэд. – Но ничего конкретного. Боюсь, мы не продвинулись ни на шаг. Райская Птичка – интересный персонаж. Говорят, ей призраки являются?

– Вы познакомились с Птичкой? – Элисон просияла. – Замечательно! Дайте ей хоть раз прикоснуться к любой из ваших жертв, и вы узнаете, как та погибла. – Элисон осеклась. – Только, увы, это невозможно. Она никогда не решится.

– Да и ФБР вряд ли пойдет на такое.

– На такую глупость? Но дело в том, что Птичка страдает от двух жестоких фобий, и одна из них – агорафобия. Страх открытого пространства уже семь лет держит эти ворота закрытыми для нее.

Брэд знал, что такое угнетающий страх. На самом деле это на удивление обычная вещь. Ему вспомнилась история в Майами, когда молодая женщина умерла с голоду у себя дома, потому что боялась без причины выйти на улицу, даже просто купить еду. Он и сам, сразу после смерти Руби, испытал нечто подобное. Угнетала одна только мысль о контактах с внешним миром. Страх этот через несколько недель рассеялся, но сохранилось живое сочувствие к тому, кто его испытывает.

– Не то чтобы это такая уж редкость среди наших постояльцев. Мир их отринул, подверг остракизму, заставил чувствовать себя изгоями, так что им лучше оставаться одним либо в обществе таких же, как они.

– Какой у нее диагноз?

Элисон удивленно посмотрела на него.

– Вам стоило бы ее спросить.

– Шизофрения?

– Честно говоря, все еще не могу сказать точно. До помещения сюда психиатр больницы штата диагностировал шизофрению и биполярное расстройство. Помимо агорафобии

она страдает от глубокого укоренившегося недоверия к мужчинам – они раздражают ее более всего.

– А как насчет галлюцинаций? Призраки?

– Галлюцинаций? – Элисон повернулась и повела их к двери. – А что, это вопрос, верно, мистер Рейнз? В любом случае это где-то здесь. – Она постучала себя по виску.

Цветик была слишком занята незаконченным скульптурным изображением Брэда, чтобы заметить, как они проехали мимо нее.

ГЛАВА 7

Четыре основополагающих правила жизни Квинтон Гулд принял недавно. Точнее, в прошлом году. И считал, что в сорок один год у него достаточно времени для совершенствования в применении этих правил.

Утешительное осознание этого факта принесло ему больше радости и облегчения, нежели он испытывал за последние семь лет, с тех пор как его столь решительно отвергла первая женщина, которую он выбрал и полюбил. Он до сих пор не мог понять, почему ей настолько изменил здравый смысл.

Разве птица стряхивает свои пушистые перья?

Разве автомобиль вышвыривает свой рокочущий двигатель?

Разве женщина отрывает свою собственную красивую головку?

Тем не менее, несмотря на все эти бесспорные истины, она отвергла Квинтона. Вышвырнула. Отрезала собственную голову, когда он, по сути, предложил быть ее головой. Единственное утешение он черпал в выводе, что скорее всего она просто нездорова умственно. Даже хуже – душевно больна, потому что отвергла выбор самого Господа Бога.

Это открыло ему первое из четырех правил. Он повернулся к зеркальной стене своей спальни и выговорил его вслух так, чтобы оно четко дошло до стоящих справа от него трех манекенов без париков.

– Красоту определяет не человек, а Бог, и он же выбирает высшую красоту.

Квинтон оглядел семь керамических кукол, стоящих на туалетном столике и одетых соответственно в алое, голубое, зеленое, черное (его любимое), бледно-лиловое, желтое и белое платья. Все они, в свою очередь, с интересом вглядывались в него. Поймав этот взгляд, он пояснил глубокий смысл правила номер один на тот случай, если он от них ускользнул:

– Забыть о грязных политиках, о елейных проповедниках. Забыть о Глупцах с большой буквы – соседях. Забыть о странной Холли, о себе, о матери, о сестре, о брате. Об учителе, ученике, своднике, звезде эстрады. Бог, один только Бог, прощающий грехи тем, кто следует его правилам, определяет красоту.

Он сделал паузу для пущего эффекта.

– Даже самого красивого, того, что именуют Люцифером. Его он тоже прощает, – пафосно завершил он свою речь.

Квинтон подошел к платяному шкафу, снял с вешалки черный купальный халат и повесил на крюк за дверью. Подготовка к предстоящей работе освежила и воодушевила. Как обычно, весь день он постился и принял слабительное. Важно быть чистым изнутри и снаружи. Даже ощущая заранее вкус бифштекса, который он съест через несколько дней, все это время Квинтон будет воздерживаться, питаясь только молоком и бобами – продуктами питательными и нужными для дела. А уж потом снова наведается в ресторанчик Джона Элвея – для равновесия. Там ему понравилось.

Он надел нижнее белье от Армани – другого не признавал. Белье этой марки облегалo плотно, но при этом не мешало кровообращению в отличие от «Табито» – его Квинтон с негодованием предал огню уже после часа ношения. Не удивительно, что он так долго не испытывал сексуального удовлетворения. Общество вступило против него в заговор, чтобы лишить мужества.

Квинтон натянул белые носки, привычные серые брюки и светло-голубую рубашку с отложным воротничком. В такие мгновения важно выглядеть респектабельным и в то же время не привлекать к себе внимания. Коричневые туфли «Скетчерз». В этой одежде ему было легко и свободно. Впрочем, легко и свободно он ощущал себя всегда, достаточно только пожелать. Несомненно, в том одна из главных причин, почему Бог благоволит к нему.

Он умеет адаптироваться и чувствовать себя как дома повсюду. Если, конечно, вокруг не мельтешат несносные дети. Или если у него грязные ногти. Или когда слишком жарко или слишком холодно, или когда ковер не вычищен как следует, или, если уж на то пошло, не раздражает куча других непорядков.

На самом деле, если уж быть честным до конца, Квинтон по-настоящему пребывал в мире с самим собой, только когда все вокруг пребывало в том безукоризненном порядке, который был задуман Богом изначально. И здесь нет ничего дурного, ведь миссия Квинтона Гулда – придать вещам их былой порядок. Даже собственные промахи идут на пользу делу. Делу совершенствования.

«Благослови меня, Отче, ибо я согрешил».

Он вышел из спальни и принялся тщательно осматривать квартиру. Правило и порядок привнесли в жизнь симметрию, которая обеспечивает равновесие и радость. Потому-то он час назад и занялся маникюром. Потому и все красные подушки на диване, обитом бархатом персикового цвета, не разбросаны кое-как, но разложены тщательно, в равновесном и красивом порядке.

На стенах ни пятнышка – он подкрашивал их каждые три месяца, используя недавно появившуюся в продаже краску без запаха. На каждой стене было по зеркалу, что позволяло видеть себя в разных ракурсах.

Квинтон нагнулся и подобрал белое перышко, выпавшее, наверное, через тоненький шов в подушке. Не пора ли заменить подушки? Теперь это настоящий мусор, в основном китайское производство. Хотя бывает, что и в Вашингтоне делают.

Квинтон бросил перо в большую урну, которую использовал в качестве склада для таких вот случайных отбросов. Придурки из психиатрического отделения утверждали, что он якобы страдает обсессивно-компульсивным расстройством и шизофренией. Лжецы. А таблетки он принимал, только чтобы обвести их вокруг пальца. По правде говоря, сделать это он мог с завязанными глазами или отключенным сознанием.

Квинтон прошел на кухню. Семь шагов.

«Интересно, – подумал он, – как маленький Джоши из ресторана себя чувствует, получив столь ценный урок от дяди Квинтона? Везучий шенок. Лучше уж там и тогда, чем на улице, где инструментом обучения может оказаться не мягкая ладонь, а кувалда. Но сейчас истинной победительницей будет Мелисса, стюардесса, которая раскроет свое истинное предназначение не далее как... – он взглянул на настенные часы, – через два часа двадцать одну минуту. Когда часы пробьют два часа ночи».

Он почувствовал, как предвкушение события пробирается вверх по позвоночнику. На мгновение представилось, будто он стоит на мосту с перевязанными лодыжками и вот-вот бесстрашно бросится в пустоту. Но у него нашелся лучший способ летать.

«Благослови меня, Отче, ибо я согрешил».

Правила. Всегда правила. Красоту определяет Бог, и он же выбирает высшую красоту.

«Верно, ах как это верно».

Но это еще не все. Есть и другое правило, правило номер два. Ибо совсем недавно Квинтон обнаружил, что у Бога есть фавориты. Одних Бог любит больше, чем других. Он неравнодушен к своему творению и, дабы произвести впечатление на фаворитов, готов склониться над аутсайдерами.

Более того, имеется фаворит. Некий индивид, пребывающий в таком фаворе, что в сравнении с ним другие даже не фигурируют в Божественном перечне предметов, достойных его внимания. Создатель сосредоточился на одном.

Квинтон открыл дверь в кладовку, где были аккуратно расставлены консервные банки с сушеными бобами в сахарном сиропе от Хорниша. Его любимый сорт. Пища для мозга.

Он взял ящик с электродрелью «Хитачи», вышел в коридор и закрыл за собой дверь. Затем вскипятил немного воды, чтобы подвергнуть инструмент санитарной обработке, – Мелисса этого заслуживает. На зубчатой поверхности дрели не должно быть ни единого микроба.

Да, Бог сосредоточился на одном, как некогда был поглощен Люцифером. Все обитатели небес и ада вглядывались из своих далей в того единственного, на кого пал выбор Бога. Остальное существовало лишь как сцена его благодеяний.

Небесам и аду нужно было знать: ответит ли избранный любовью к Богу?

Квинтон переложил дрель в черный чемодан, рядом с седативами. Остальное из того, что понадобится, было уже аккуратно разложено по местам. Он тщательно запер чемодан и огляделся. Срок его возвращения зависит от меры податливости Мелиссы. Может, день пройдет, а может, три.

Довольный тем, что все идет как надо, Квинтон выключил свет и направился к гаражу, где его ждал зеленый «шевроле»-пикап.

Он сел за руль и усмехнулся, прислушиваясь к неслышной словесной битве, что разворачивается внутри – между ним самим и невидимым оппонентом.

«Ты только представь, чудачка, ненормальная. Представь на секунду (понимаю, это нелегко, ведь ум у тебя послабее моего), что речь идет именно о тебе. Ты – в центре происходящего. Что выберешь, то и имеет значение. Подобно Нео из любимого фильма Квинтона «Матрица», в один прекрасный день ты проснешься и узнаешь, что избранный – это ТЫ. Это безумие, но это правда. Ты – его невеста. Фаворит Бога.

Слушай, Нео, идиот несчастный, попробуй вдолбить в свою дурацкую башку. Есть правило номер два, и оно гласит: Бог в своей бесконечности и всеисилии может избрать не одного, а многих фаворитов, и все будут равны. Так что все верно, Нео. Ты фаворит, ты избранный. Но и я тоже. Да и всякое живое существо, попирающее эту проклятую землю. И правила одинаковы для всех. К сожалению, большинству не хватает мозгов, чтобы понять, какое важнейшее значение они имеют в игре, именуемой жизнью».

До недавнего времени Квинтон ненавидел всех людей за их никчемность. Но потом ему стало ясно: дело обстоит прямо противоположным образом. Все они – любой мужчина, женщина, ребенок – обладают бесконечной ценностью. И это мгновенно заставило его возненавидеть их за то, что они в своей значимости равны ему.

Но теперь не было нужды задумываться над такими загадками. У него появилась миссия. Он стал ангелом Бога – мессией, посланным на помощь тем, кого Бог более других хотел бы приблизить к себе в вечном блаженстве.

Поскольку Богу в его бесконечном милосердии прекраснейшими кажутся все люди, Квинтону дано выбрать семерых – священное число Бога. Он приведет этих семерых к его престолу – символический акт поклонения, за который он будет щедро вознагражден. А в итоге ему возвратят способность производить потомство. Его тело, пребывающее ныне в покое, как медведь во время зимней спячки, восстанет и соединится с собственной невестой.

Выводя зеленый «шевроле» со стоянки, Квинтон стал насвистывать. В эту минуту его переполняло чувство самодостаточности и полной сосредоточенности на поставленной цели. Он парил над землей. Он помахал Мэри, матери-одиночке, живущей через дом от него. Когда-то он помог ей поднести покупки, прикидывая одновременно, не подойдет ли она на роль невесты.

В конце концов все сходится на седьмой, самой красивой из всех, и Квинтон знал ее не хуже себя. Но первых шестерых, а «шесть» мужское число, он волен выбирать наугад. Волен обезчеловечить их так, чтобы Бог мог принять их как своих невест.

Мелисса, красивая молодая женщина, как раз и должна стать такой невестой, пятой по счету.

И если ей известно то, что известно Квинтону, сейчас у нее голова кругом должна идти от радости и предвкушения того, что ее ожидает.

Какая-то часть Квинтона знала, что большинство несовершенных индивидов найдут его рассуждения сомнительными или даже ненормальными, но его это не смущало. Индивиды наделены потрясающей способностью говорить глупости. Некогда они утверждали, что Земля плоская, что полярные льды скоро растают, что он, Квинтон, больной на голову.

Все они заблуждаются. Все невежественны, ребячливы, легковверны, подвержены влияниям, глупы. Все – шуты гороховые.

Иногда Квинтон задумывался над способностью Бога любить их всех.

Сердце его, должно быть, величиной с океан. «Будь моя воля, я бы взял ручной пулемет с обоймой на шесть миллиардов пуль и уложил всех, одного за другим».

При мысли об этом руки его, обхватившие руль, задрожали. Он с усилием избавился от мгновенного помрачения и заставил себя сосредоточиться.

До синего дома Квинтон доехал за час. Поставил пикап на свободное место в конце живой зеленой изгороди позади строения и выключил двигатель. Семикратный обзор зеркала убедил его в том, что никого вокруг нет, а другого он и не ожидал: все-таки час ночи. Целых шесть часов провел он возле дома, обходя каждое дерево, каждый куст, опускаясь на землю и ползая на животе, ощупывая поверхность, заранее предвкушая события ночи.

Свет уличных фонарей сюда не достигает. Ночь безлунная.

Поборов искушение засвистеть, он плотно натянул на голову шапочку для душа, надел те же башмаки, что и прежде в подобных случаях, и сунул руки в новые резиновые перчатки.

Квинтон вышел из машины, бесшумно прикрыл дверь и запер на ключ. Широкая прогулочная дорожка петляла между редкими деревьями – жалкими тонкими призраками. За деревьями по обе стороны дорожки выстроились дома – были видны заборы и террасы.

В такие моменты он ощущал единение с природой, невидимой, как ночное дуновение ветра, и столь гармонично отвечающей его миссии. Ни один смертный не может увидеть здесь его, плывущего во тьме, ни один безумец не способен его остановить.

Квинтон неслышно ступал по дорожке, настраивая все свои чувства в лад с окружающим.

«Интересно, догадывается ли кто-нибудь из жильцов, что рядом с их домами, вглядываясь в темноту, вот уже несколько недель расхаживает один и тот же мужчина?.. Вряд ли. Да, они фавориты и все же слишком глупы и слишком доверяют собственной плоти».

Впереди справа показался дом Мелиссы, и его захлестнуло ликование, довольство собой. Квинтон пристально вгляделся. В окнах темно. Она уже спит.

Он представил, как эта штука мягко входит в ее мозолистую подошву, и сразу шея и плечи покрылись гусиной кожей. В позвоночнике появилось покалывание, дыхание участилось.

«Благослови меня, Отче, благослови, благослови, благослови».

Он дошел до угла синего дома, который в безлунной ночи казался просто тенью, а не солидным строением.

Из спутника, передающего сигнал в Google, он был неразличим. С Божественных высот казался пятном, снежинкой среди миллионов таких же снежинок, которые даже с дерева не разглядишь. Потом – последовательно – компьютерным чипом, почтовой маркой и только в конце домом. Последний снимок, сделанный с пролетающего спутника, зафиксировал проезжающую мимо черную машину.

Никто не вглядывается вниз. Никто, кроме Бога, не знает, кто спит в этом незаметном домике. Всего лишь одна из шести миллиардов, но нынче ночью – единственная. Избранная не кем-нибудь, а им, Квинтоном Гулдом.

Он застыл, подобно деревцу, во тьме, и так долго стоял, глядя на дом, что выдержать эту неподвижность не смог бы никто иной. Наконец спустил молнию на брюках и помочился в маленький пластмассовый сосуд, который вернул на свое место, в карман.

Он вглядывался в темноту, повторяя про себя все детали, внутренне сосредоточиваясь.

«Брэд Рейнз. Ники. Ники. Ники. Ники».

Он досчитал в уме до семи.

«Ты ведь и сам все знаешь, не так ли, Брэд? Что я намерен взять ее, потому что она моя, а не твоя? Что она будет моей, потому что она седьмая?»

Чего агент ФБР наверняка не знал, так это что он всего лишь марионетка, которую держат за нитки невидимый кукловод. Он откликается на сигналы именно так, как нужно.

«Не дурак, – отдал ему должное Квинтон. – Умен, даже очень. Но именно на такой интеллектуальный уровень я и рассчитываю. Возможно, Брэду придется умереть, чтобы довести счет до восьми, но невелика жертва. Даже агент охотно согласится ее принести, стоит ему понять, как она прекрасна».

Квинтон с трудом заставил себя не думать об этом и сосредоточился на том, как обойти кровать, когда он окажется в доме. Он представил, что находится так близко от избранницы, что мир осудит его за незаконное вторжение, за нарушение прав владения. Наглое проникновение, которого достаточно, чтобы заставить ее вскрикнуть, если, конечно, она проснется слишком рано. И все же это его место, он ждет во тьме, смакуя горькие и одновременно сладкие минуты, предшествующие событию.

Ожидание наскучило, и Квинтон решил забрать «невесту» на полчаса раньше. Он вернулся к машине, поставил пластмассовую бутылку с мочой под сиденье, чтобы выбросить ее потом, и достал хлороформ.

«Еще не успев понять, что происходит, она может испугаться моего вида. Надо будет осторожно перенести ее на выбранное место, рядом с Элизабет, где и начнется работа».

Через десять минут он уже стоял на кромке лужайки, позади ее дома. Ни звука. Ничего – ни новых домашних животных, ни лунатиков, ни соседей, мучающихся бессонницей, ни лая собак. Прекрасно.

Он подошел к окну ее спальни и заглянул.

«Интересно, а заметила Мелисса, что между короткими шторами и рамой образовался небольшой зазор, через который видна небольшая часть комнаты, в том числе кровать? Может, и заметила, но отмахнулась, уверенная, что она не такая, как другие, и от внешнего мира точно защищена».

При слабом свете он разглядел длинные выступы. Понадобилась целая минута, пока он понял, что из-под цветистого одеяла выглядывают ее ноги. Она дома, так и должно быть. И все же, увидев ее в реальности, он вздохнул с облегчением.

Мелисса использовала задвижку и установила систему сигнализации с соответствующими выводами на все окна и двери, но скрип напильника по стеклу, хотя и продолжался довольно долго, тишину не нарушил. Квинтон залез внутрь, следя лишь за тем, чтобы не задеть раму и не включить таким образом сигнал тревоги.

При свете фонарика-карандаша он прикрепил несколько тюбиков суперклея к надрезам и поставил стекло на место. Снаружи и не заметишь, что его вынимали.

Оказавшись наконец в доме избранницы, Квинтон присел, чтобы перевести дыхание. В доме было тепло, в воздухе витали запахи пятой избранницы. Из кухни плыли гастрономические ароматы – похоже, поздний ужин навывнос. В ноздри Квинтону забила пыль, поднятая скрытым на потолке вентилятором, нарушающим своим негромким жужжанием ночную тишину. Он даже ощутил слабый запах ее духов, оставшийся с той первой встречи несколько недель назад.

Наконец он поднялся, стараясь двигаться как можно тише. Квинтон не раз заглядывал в окна дома и представлял себе планировку досконально. Сейчас он находился в эркере гостевой спальни, в северной части здания. Из гостиной вел коридор в хозяйскую спальню, где сейчас Мелиссе снилось все, что угодно, кроме удивительной судьбы, поджидающей ее в ближайшем будущем.

Квинтон извлек из кармана бутылочку с хлороформом и, скрипнув дверью, скользнул в глубь спальни. Расстояние он измерил на открытом пространстве раз, наверное, десять или двадцать, так что, оказавшись в непроницаемой тьме, точно знал, сколько сделать шагов до двери, затем по коридору и далее до кровати.

Путь свой Квинтон проделал медленно, на цыпочках. У двери в спальню на мгновение остановился, затем повернул ручку.

«Замка нет. Ну разумеется... Пусть Мелисса избранная, пусть красавица, но все же она беспросветно глупа. Другое дело, что я люблю ее, как любит Бог».

Раскрыв дверь ровно настолько, чтобы войти, Квинтон скользнул внутрь. Через шторы проникал тусклый уличный свет, и этого было достаточно, чтобы разглядеть, как спокойно поднимается и опускается в мирной дреме грудь девушки.

«Вот я и здесь, в месте, от которого не мог оторваться в своих видениях последние несколько дней...» Он улыбнулся про себя, и в улыбке его растворились все составляющие успеха: сладостное ощущение близости, чувства силы, едва сдерживаемое предвкушение того, что вот-вот произойдет.

Его всегда поражало легкомыслие этих особ. Спят себе, погруженные в скучный покой, и даже не подозревают о высшем предназначении. Будто овцы в загоне. Шесть миллиардов овец. Но ему-то нужна одна-единственная.

Квинтон смочил тряпицу, вернул бутылочку в карман и сделал два шага к кровати, когда в спальне вдруг вспыхнул свет.

Он резко остановился, сжимая в правой руке пропитанную хлороформом тряпицу. Мелисса смотрела на него в упор. Волосы у нее растрепались и свисали неровными прядями по левой щеке. Ладонь все еще лежала на выключателе ночника.

Лицо девушки превратилось в бледную маску ужаса, заглушающую крик. Но Квинтон понимал, что молчание не затянется. Что делать? Он впервые попал в такую ситуацию. Наверное, все это время она бодрствовала.

– Извините, – заговорил он. – Кажется, я просто не туда попал.

Эти слова остановили уже готовившийся вырваться вопль.

– Извините. Наверное, я... Это дом № 2413?

Мелисса судорожно сглотнула и прижала ладонь ко рту.

Она была слишком напугана, чтобы вымолвить хоть слово. Взгляд ее скользнул вниз и остановился на тряпице, которую Квинтон по-прежнему сжимал в руке.

– Ладно, я пошел. – Голос его внезапно ослаб и охрип. – Мне безумно неловко за вторжение. Представляю, как вы напугались. Хотя, надо признать, женщина вы очень симпатичная. – Он внутренне выругал себя за эту последнюю реплику. – Еще раз извините, что потревожил. Может, покажете, как выбраться отсюда? – Он оглянулся на дверь. В спальне все резче пахло хлороформом. – Ну так как, покажете дорогу?

– Вон отсюда!

– Ну не надо, не надо. – Квинтон поднял руки. – Извините, я всего лишь... – Он указал на оконную раму за ее спиной. – Смотрите!

Детский фокус, но он удался. Мелиса посмотрела в ту сторону... Квинтон бросился к ней, Мелисса мгновенно обернулась. Напрягшись и тут же расслабившись, он опустился на одно колено и всей своей массой, вытянув руку с тряпицей, обрушился на девушку.

Мелисса стремительно покатила по полу, не переставая пронзительно вскрикивать. Квинтон покатился вслед за ней, но девушка оттолкнула его к дальней стороне кровати и вскочила на ноги. На ней была шелковая пижама желтого цвета с маленькими белыми бабочками.

«Любопытно...»

– Стой, куда же ты? – Квинтон вытянул обе руки. – Не беги. Ты же невеста. Он ожидает тебя, ты должна...

Но Мелисса уже огибала кровать, направляясь к открытой двери.

Он достал ее в последний момент, ухватившись за мягкий рукав пижамы. Мелисса резко остановилась, и материя с треском порвалась.

Рыча, извиваясь, она попыталась вырваться из его рук, но Квинтон уже стоял на ногах, угрожающе нависая над ней. Он прижал тряпицу к ее рту, надеясь, что воздействие хлороформа поможет утихомирить непокорную, девушка заснет и все пойдет своим чередом.

Мелисса еще раз рванулась в сторону и издала душераздирающий вопль, но он тут же был заглушен громким ударом. Пытаясь освободиться, Мелисса ударила головой об угол туалетного столика.

Она рухнула на пол как подстреленный олень. Из раны на виске мгновенно хлынула кровь.

– Нет... – У Квинтона свело желудок. – Что... что ты делаешь? – Он почувствовал, как внутри нарастает ярость, а щеки полыхают от жара. – Что ты себе позволяешь?!

Увидев красное пятно на лице, отличавшемся совершенной чистотой, он почувствовал, как ему снова становится плохо.

«Она все испортила! Ударилась о туалетный столик. И где теперь ее безупречный образ? Что же делать?»

На мгновение ему показалось: еще секунда, и его стошнит прямо на нее. Он подавил приступ тошноты, но тут же пришло острое желание двинуть ей прямо по лицу.

Постепенно Квинтон взял себя в руки.

«Да, меня постигла неудача, но ничего не потеряно. Может, повезло и крика девушки никто из соседей не услышал. А даже если услышал, скорее всего уже повернулся на другой бок и снова заснул, уверенный, что дому ничто не угрожает. И Мелисса тоже, конечно, уже спит».

На всякий случай он прижал тряпицу к ее губам и сосчитал до десяти. Затем сунул тряпицу в карман, перебросил девушку через плечо и вышел через заднюю дверь, не забыв запечатать ее за собой.

ГЛАВА 8

Часы безжалостно отсчитывали время, один день сменялся другим.

Брэд Рейнз не отступал от дела ни на шаг, напоминая наседку, хлопчущую над цыплятами. Он чувствовал: что-то происходит. Убийца не отлеживается. Собираемый им урожай зла только умножается.

Бригада ФБР неутомимо собирала улики, отыскивая ускользящий след, который позволит сократить разрыв между охотником и дичью, но ничего существенно нового не появлялось.

Брэд в кабинете рассеянно поглядывал в окно на снующие тремя этажами ниже машины. У него и сотрудников его группы было все, что нужно, была мантра, составлявшая ядро жизни Брэда. Где-то тут, в этих папках с материалами делами, что теснятся на столе, спрятан ключ к нему: приданое, пасхальное яйцо, слово, говорящее больше, чем сказано до сих пор.

Брэд вернулся из Центра Благоденствия и Разума, преследуемый смутным беспокойством. Подозревать, что серийный убийца может походить на кого-нибудь вроде Рауди Спаркса или Андреа Мертц – или любого из тех, с кем он там встретился, – все равно что навешивать ограбление банка на десятилетнего ребенка. У них могут быть вспышки эмоций, вызванные галлюцинациями, но жестокая болезнь, от которой они страдают, просто не вяжется с холодным, расчетливым членовредительством. Но эти люди жертвы, а не преступники, способные на ужасное убийство.

Но было в беспокойстве, постепенно овладевающим его сознанием, и нечто большее. Глядя им в глаза, он видел собственное отражение. Это открытие каким-то образом переключалось с тем, что сказала Ники накануне их поездки в центр: любой человек в мире одинок, и любой сталкивается с жизненными трудностями. А оказываясь в одиночестве, ощущаешь незащищенность. Обделенность любовью. Нежеланность. Чувствуешь себя парией. А претендуешь на что-то трудноуловимое, но истинно глубокое.

Можно это признавать, можно не признавать, но все люди самопоглощены и одиноки. Самые мудрые и крепкие готовы принять эту данность и превозмочь ее. Люди поопытнее находят способы справляться с ситуацией, хотя многие, если не большинство, отделаться от ощущения одиночества не могут. Те, что помоложе, чувствуют его кожей и пытаются понять смысл существования. Другие, желая облегчить себе жизнь, закрывают на все глаза.

За примерами, подтверждающими это, далеко ходить не надо.

Жена, подвергавшаяся в детстве насилию и не способная наладить с мужем нормальные, приносящие взаимное удовлетворение сексуальные отношения, ибо не может раскрошить защитные стены, что возвела вокруг себя.

Муж, повторявший всю жизнь, что он так и не реализовал себя, и ныне уютно замкнувшийся в собственной раковине и опасющийся, что даже самые близкие могут узнать, что никакого уюта нет.

Иные компенсируют свою незащищенность бесконечными разговорами. Или едой. Или спортом. Или наркотиками. Или смешными попытками привлечь к себе внимание.

За последние три дня мир Брэда превратился в выжженную землю. Все – не только Ники, или Фрэнк, или Ким, или Мэзон, консьерж, или Аманда, официантка из кафе «Мейи», – одинокие жертвы жизненных сложностей.

«Интересно только, – подумал Брэд, – что за тайны они скрывают? Что за секреты и страхи охраняют их одиночество?

Например славная девушка Аманда. Стройная и хорошо сложенная. Зачем она постоянно сидит на диете, чтобы сохранить форму? Ненавидит себя? Или любит и переживает, что другие не отдают ей должного?

Кто катается на роликовых коньках перед домом? Молодой человек, не готовый начать жить по-настоящему, потому что все еще не удовлетворен собой? Жизнь для него пока нечто вроде подготовки к настоящему испытанию. Сверстники по-настоящему оценят его как личность, только когда он выдержит это испытание. Может быть, даже восхитятся. И он откроет смысл своего существования.

Беда в том, что этот день никогда не наступит. Все либо по-прежнему уверяют себя, что он вот, рядом, за ближайшим углом, либо живут с тревожным подозрением, что горшок золота на краю радуги всего лишь фантазия. А в действительности каждый одинок в мире джунглей, а радуга всего лишь иллюзия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.